18+

САКЕН АРДАБАЕВ

ИЗРАИЛЬ

Сакен Ардабаев

Израиль

«Издательские решения»

Ардабаев С.

Израиль / С. Ардабаев — «Издательские решения»,

Один человек из будущего оказывается в Советском Союзе времён Сталина, обладая знаниями о грядущих событиях и технологиях, способных изменить ход истории.Он знает, чем закончится война, какие ошибки совершит руководство страны и какую цену заплатит человечество за политические амбиции великих держав. Но вместо того чтобы просто наблюдать за историей, он решает вмешаться

© Ардабаев С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1 7
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 20
Глава 8 23
Глава 9 26
Глава 10 28
Глава 11 30
Глава 12 32
Глава 13 34
Глава 14 36
Глава 15 38
Глава 16 41
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Израиль

Сакен Ардабаев

© Сакен Ардабаев, 2026

ISBN 978-5-0071-6938-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Свадьба была в самом разгаре. Плясали девки, плясали пацаны. Правда, пацанов было заметно меньше девки, как известно, живучие сучки. Но мне, как пацану, повезло: дожил до рубиновой свадьбы. Сорок лет вместе. Целая жизнь, если вдуматься. Я смотрел на своих однополчан, с которыми прошёл Афганистан и Сирию. На лицах морщины, седина, у кого-то уже не хватает зубов, а у кого-то здоровья. Но глаза всё те же. Мы понимали друг друга без лишних слов. Слишком многое повидали вместе, чтобы теперь изображать из себя молодых. Потом посмотрел на жену. Сидела за столом, улыбалась, принимала поздравления. Дождалась меня из Афгана, дождалась из других командировок. Сколько бессонных ночей она провела, сколько раз прислушивалась к телефонному звонку, сколько раз мысленно хоронила меня, пока я где-то там выполнял очередную задачу. И ведь ни разу не упрекнула. Ну, почти ни разу. Женщины вообще умеют хранить обиды годами, а потом предъявлять их в самый неподходящий момент. Посмотрел на детей. На тех самых, которых мы с ней успели настрогать в промежутках между моими командировками. Уже взрослые, со своими семьями, заботами и проблемами. Внуки носились по залу, словно маленькие ураганы. И вдруг я поймал себя на мысли: а ведь неплохо получилось. Не зря прожил. «Ну что ж, подумал я, теперь и помирать не грех». Мысль о смерти давно уже бродила где-то рядом. Не пугала, не торопила, просто иногда садилась рядом, словно старый знакомый, и молча смотрела в глаза. С возрастом привыкаешь к этому соседству. Чем старше становишься, тем чаще посещаешь не праздники, а поминки. Сначала провожаешь друзей, потом однополчан, потом тех, кто когда-то казался бессмертным. А сердце в последнее время всё чаще напоминало о себе. То кольнёт под левой грудью, то сдавит так, что приходится незаметно хвататься за край стола. Но я, как положено старому солдату, делал вид, что ничего не происходит. Не хотелось портить праздник. Да и кому нужны мои жалобы в такой день? Я решил, что должен продержаться хотя бы до конца торжества. Дожить до последнего тоста, до последней песни, до того момента, когда гости начнут расходиться. Отгремели тосты. Сначала говорили дети. Старший сын поднял бокал и пожелал нам с матерью ещё столько же лет вместе. Гости засмеялись, зааплодировали. Я тоже улыбнулся, хотя про себя подумал, что ещё сорок лет это уже какое-то издевательство над медициной. Потом выступили однополчане. Старый полковник, с которым мы когда-то делили один окоп на двоих, поднялся, опираясь на трость. Ну что, братцы, сказал он, за тех, кто дошёл до сегодняшнего дня. И за тех, кто не дожил. Они бы сейчас тоже с нами посидели. В зале стало тихо. Мы подняли бокалы. Я выпил совсем немного. Сердце снова кольнуло, на этот раз сильнее. В глазах на мгновение потемнело. Я положил ладонь на грудь и попытался сделать глубокий вдох. Жена заметила. Ты чего? Опять сердце? Да брось ты, отмахнулся я. Переволновался. Сорок лет как-никак. Сама понимаешь, событие историческое. Не шути. Может, домой поедем? Какой домой? Люди ещё не разошлись. Ты что, хочешь, чтобы я сорокалетие собственной свадьбы пропустил? Она покачала головой, но улыбнулась. И тут заиграла наша песня. Та самая, под которую мы когда-то танцевали на свадьбе. Жена протянула мне руку. Потанцуем, старый? Я посмотрел на неё и почему-то вдруг увидел не женщину с седыми волосами, а ту молодую девчонку, которую когда-то провожал домой после первого свидания. А ноги-то выдержат? спросил я. Мои выдержат. За твои не ручаюсь. Я рассмеялся, поднялся и взял её за руку. И мы пошли танцевать. Потому что, наверное, в этом и заключается счастье даже когда сердце напоминает о конечности жизни, всё равно иметь человека, с которым хочется станцевать ещё один последний танец. Прошел танец, прошла и свадьба. Отправили первой машиной домой. В кровати уже лег, расслабился и подумал вот молодец выстоял. Не дал свадьбе в горе превратиться. А сейчас и помереть можно. С этими мыслями и уснул.

Глава 1

И вдруг мне стало так хорошо… Даже странно. Захотелось потянуться, как следует, от души. Я вытянул руки, выгнул спину, и где-то внутри приятно захрустели кости. «Да что же ты делаешь, старый? подумал я. Сейчас разогнёшься, а потом тебя по частям собирать будут». Открыл глаза. Надо мной было небо. Голубое, высокое, с редкими белыми облаками. Где-то далеко раздавался мерный гул самолётов. Я повернул голову и увидел их. Несколько машин шли клином, ровно, словно на параде. Красиво, черти бы их побрали. Пахло свежей травой, нагретой землёй и вчерашним перегаром. «Да, вчера дали жару», с удовлетворением вспомнил я. Попытался сесть. Получилось легко. Даже слишком легко. Ничего не болело, не тянуло, не хрустело. Спина не ныла, колени не напоминали о возрасте, а сердце… Сердце работало спокойно, словно никакой болезни и не было. Я огляделся. Поле. Высокая трава. Где-то вдалеке виднеется лесополоса, а за ней, кажется, дорога. Странно. Почему лето? Почему я в поле? Где ресторан, где гости, где жена? Я поднялся на ноги и тут же замер. На мне были галифе и хромовые сапоги. Вот блин! вырвалось у меня. Я посмотрел на себя, потом на руки. Молодые руки. Загорелые, крепкие, без возрастных пятен, без выступающих вен и старческих морщин. Я сжал кулаки, разжал пальцы, потрогал лицо. Да ёпт твою мать… Что за дела? Подбежал к ближайшей луже. Наклонился и посмотрел на своё отражение. На меня смотрел молодой мужчина. Лет тридцати пяти, не больше. Короткая стрижка, резкие скулы, знакомый взгляд. Я отшатнулся. Не понял… Память услужливо подкинула последние картинки: жена, свадьба, однополчане, тосты, музыка… Потом боль в груди. Сильная, обжигающая. Темнота. Я медленно выпрямился. Так. Спокойно. Без паники. Где я? Что происходит? Провёл ладонями по груди, по животу, по плечам. Всё на месте. Никаких шрамов, никаких следов старых ранений. Даже дыхание свободное. И тут меня осенило. Я умер… Сказал это вслух и почему-то сам себе не поверил. Постоял, посмотрел на небо, на самолёты, на поле. Потом снова на свои руки. Ну, если это рай, то с обслуживанием здесь явно проблемы. Ни тебе ворот с ангелами, ни встречающего с бокалом коньяка. Одно поле да самолёты. Я хотел было рассмеяться, но вдруг услышал за спиной мужской голос: Товарищ Майор! Квасу будите? Или окрошки! Я медленно повернулся. Передо мной стоял молодой солдат в форме, которую я не видел уже много десятилетий. И вот тут мне стало по-настоящему не по себе. Потому что форму эту я знал. И знал, в каком году её носили. Мысли постепенно начали собираться в кучу. Так, стоп. Я майор. Судя по форме и поведению солдата, майор НКВД. Лет мне, на вид, около сорока. Самолёты в небе явно немецкие. Значит… Сорок первый год. Я огляделся ещё раз. Поле, ручей, солдат, немецкие самолёты. В голове щёлкнуло. Да твою же мать… Двадцать второе июня! Получается, я каким-то непонятным образом оказался в самом начале Великой Отечественной войны. Причём не просто оказался, а в теле какого-то майора НКВД. Я посмотрел на солдата, который всё ещё стоял рядом и с любопытством меня разглядывал. Давай окрошки. Чего, товарищ майор? Окрошки говорю. Солдат почему-то обрадовался, развернулся и побежал к ручью, где в тени стояла полевая кухня. Вдалеке послышались взрывы. Один, второй, третий. Земля едва заметно вздрогнула. Солдат даже не обернулся. Вот оно что. Народ ещё не пуганый. Война для большинства пока что-то далёкое, почти невозможное. Люди верят, что граница крепкая, армия сильная, а товарищ Сталин не допустит большой войны. Многие ещё не понимают, что через несколько часов их привычный мир перестанет существовать. Я сел на траву и попытался привести мысли в порядок. Окрошка появилась довольно быстро. Настоящая, деревенская, ядреная, на холодном квасе. С огурцами, картошкой, яйцом и зеленью. Я попробовал ложку и чуть не застонал от удовольствия. Вот это я понимаю! пробормотал я. За десятилетия жизни я успел попробовать всякую ресторанную кухню, но такой окрошки давно не ел. На горизонте снова показались самолёты. Я прищурился. Отбомбились, что ли? поду-

мал я. Самолёты шли ровным строем. Несколько десятков машин пролетели над нами, даже не меняя высоты. Летают как у себя дома, заметил солдат, присаживаясь рядом. Я посмотрел на него. Тебя как зовут? Петька, товарищ майор. Он ответил с удивлением, словно я спросил что-то совершенно необычное. Петька, значит. А фамилия? Филимонов. Понятно. А сколько тебе лет? Девятнадцать через месяц будет. Я внимательно посмотрел на парня. Совсем молодой. На лице ещё детская припухлость, глаза ясные, улыбка простая. Наверняка вчера вечером писал домой, мечтал о демобилизации, о девушке, о деревне. А завтра, возможно, его уже не будет. Я опустил ложку. Петь, а ты понимаешь, что война началась? Он усмехнулся. Да какая война, товарищ майор? Наши немцев быстро остановят. Нам вчера политрук говорил, что Красная армия самая сильная. Я посмотрел на горизонт. Там поднимался чёрный дым. «Боже мой, мальчик. Если бы ты знал, что нас ждёт». Петька, слушай меня внимательно, сказал я уже другим голосом. Ты сейчас сделаешь одну вещь. Найдёшь всех своих товарищей и проверишь оружие. Патроны, гранаты, всё до последнего магазина. И воду наберёте. А зачем, товарищ майор? Затем, что скоро будет не до окрошки. Петька перестал улыбаться. Товарищ майор, а немцы действительно напали? Я посмотрел ему прямо в глаза. Да, Петька. Напали. В этот момент с полевой кухни донёсся крик: Воздушная тревога! Всем укрыться! Немецкие самолёты! Я поднялся, отряхнул галифе и посмотрел в небо. Ну что ж. Похоже, моя вторая жизнь началась не с подарка судьбы, а с экзамена. И экзамен этот назывался 22 июня 1941 года. Только теперь у меня было одно преимущество перед всеми окружающими: я знал, чем закончится эта война. И знал, сколько миллионов жизней она заберёт. Оставалось понять самое главное: кто я здесь, какое подразделение мне подчиняется и сколько времени у меня есть, чтобы хоть что-нибудь изменить.

Глава 2

Может, водки, товарищ майор? неожиданно спросил Петька, заметив, что я задумался над своей тарелкой. Я повернул к нему голову. Вот ведь интересно. Солдат с майором так по-панибратски разговаривает. Видимо, не просто солдат. Ординарец, скорее всего. Теперь хоть понятно, почему сидит рядом и не шарахается от начальства. А есть? спросил я. Так завсегда найдётся! Он достал из полевой сумки небольшой штоф, ловко вытащил пробку и налил в гранёный стакан. Я посмотрел на горизонт. Там уже поднимался густой чёрный дым, а над лесом виднелось красноватое зарево. Давай, сказал я. Поднёс стакан к губам и выпил. Холодненькая, проклятая, прокатилась по горлу, обжигая изнутри. На секунду даже показалось, что всё происходящее вполне нормально. Сидишь в поле, ешь окрошку, пьёшь водку, рядом ординарец, над головой летают самолёты. Обычный воскресный день. Правда, самолёты почему-то немецкие. Жизнь заиграла другими красками. Я закусил огурцом и повернулся к Петьке. Слушай, а что мы здесь вообще делаем? Петька моргнул. По его лицу было видно, что он начинает подозревать у начальства последствия вчерашнего застолья. Как это что, товарищ майор? Так. Как есть. Докладывай. Он немного помялся, потом ответил: Так вчерась приехали на задержание диверсанта. Потом остались у погранцов на свадьбе. Вы ещё с начальником заставы выпивали. А сегодня с утра сюда перебрались. Какого диверсанта? Так немецкого, вроде. Документы у него наши были. Вы сами допрашивали, товарищ майор. Я медленно поставил стакан на землю. Вот это уже интересно. А где остальные наши? Так в деревне остались. Диверсанта охраняют. Петька произнёс это уже не так уверенно. Видимо, наконец сообразил, что с командиром происходит что-то неладное. Вдалеке снова грохнуло. На этот раз так, что с веток ближайшего дерева посыпались листья. Я посмотрел на небо. Немецкая авиация действовала совершенно спокойно. Никакого сопротивления я пока не видел. Петька, а ну-ка объясни мне одну вещь. Что это за район? Как это что, товарищ майор? Прилуки. Какие ещё Прилуки? Так поселок Прилуки. Я замер с огурцом в руке. Прилуки. Значит, Белоруссия. Значит, немецкие войска уже начали наступление, а мы находимся где-то в приграничной полосе или в районе расположения частей, которые скоро окажутся в очень неприятном положении. Я попытался вспомнить карту боевых действий. В голове всплывали обрывки знаний из книг, документальных фильмов и рассказов ветеранов. Петька, сегодня какое число? Двадцать второе июня, товарищ майор. Воскресенье. Год? Он посмотрел на меня уже с откровенным беспокойством. Сорок первый, конечно. Я потёр переносицу. Ну вот и приехали. Второй раз родился, называется. Причём сразу на войну. Петька! Я, товарищ майор! Бери машину. Едем в деревню. А водку? Я посмотрел на него. Штоф забирай. Только пить больше не будем. Так точно! Он вскочил, схватил полевую сумку и побежал к стоявшей неподалёку полуторке. Я ещё раз посмотрел на горизонт. Дым становился гуще. Где-то далеко гремела артиллерия. И тут я подумал о задержанном диверсанте. Немец с советскими документами, задержанный накануне нападения. Слишком уж интересное совпадение. Возможно, это был не просто диверсант. Возможно, он знал гораздо больше, чем мы могли предположить. А у меня появлялся шанс узнать кое-что раньше, чем история окончательно покатится по знакомым рельсам. Я направился к машине. Петька, а фамилию мою напомни. Он остановился и уставился на меня. Товарищ майор, вы меня пугаете. Вы же майор Крылов. Николай Андреевич Крылов. Я ничего не ответил. Крылов так Крылов. Значит, теперь придётся привыкать и к новому имени. А вот кем был этот Николай Андреевич до моего появления, мне ещё предстояло выяснить. Прилуки… Я ещё раз прокрутил в голове карту. Рядом Брест, хотя рядом понятие растяжимое. Надо было срочно разобраться с географией, расположением частей и обстановкой на фронте. Но одно я знал точно: немецкие войска уже перешли границу, и скоро здесь тоже станет жарко. А я, значит, майор НКВД Крылов Николай Андреевич. При мне пистолетик, ординарец Петька,

который, судя по всему, больше привык к свадьбам и выпивке, чем к настоящей войне. Перспективы, прямо скажем, так себе. Я машинально проверил кобуру. Пистолет был. Только вот против немецкой авиации и танков от него толку примерно столько же, сколько от вилки против медведя. Петька тоже представлял собой отдельную проблему. Парень, конечно, свой, преданный, но совершенно неотёсанный. В боевой обстановке ещё и спасать его придётся. «Вот ведь попал, подумал я. Самому бы выжить, а тут ещё няньку изображай». Но куда его девать? Отправить обратно одного? Глупость. Оставить при себе? Тоже удовольствие сомнительное. Да ладно, прорвёмся. Не впервой. Петька! Я, товарищ майор! Заводи машину! Уже завожу! Петька подскочил к полуторке, открыл дверцу и полез за руль. Стартер несколько раз кашлянул, двигатель закашлял, но наконец заработал. Я уселся рядом, положил руку на кобуру и огляделся. Петь, документы наши где? В деревне, товарищ майор. В планшете вашем. А оружие? У ребят винтовки. У меня наган. Я повернулся к нему. Наган? Так точно. Ну хоть что-то. Машина тронулась, подпрыгивая на просёлочной дороге. Впереди поднималась пыль, а за деревьями всё отчётливее виднелся дым. Петька, слушай приказ. Когда приедем, первым делом найдём наших. Потом выясним, что с задержанным. И никаких самостоятельных подвигов. Понял? Так точно, товарищ майор! Я откинулся на спинку сиденья. В голове крутилась одна мысль: мне нужно время. Хотя бы несколько часов, чтобы понять, кто здесь командует, какие силы имеются и что происходит вокруг. Историю я знал. Но история не предупреждала, что однажды придётся самому в неё вмешаться. А полуторка тем временем несла нас навстречу двадцать второму июня. И я впервые за много лет пожалел, что не могу просто открыть карту и посмотреть, где именно нахожусь.

Глава 3

Мы въехали в посёлок. Картина была, мягко говоря, невесёлая. По улице бегали люди, кто-то тащил узлы, женщины хватали детей, со дворов доносился плач. Над крышами вдалеке поднимались столбы дыма. Где-то грохотало так, что стёкла в домах дрожали. Петька свернул к большому амбару. Возле ворот стоял сержант с винтовкой на плече. Увидев нашу машину, он вытянулся. Здравия желаю, товарищ командир! Сержант Бондарчук! Здравствуй, сержант. Где остальные? Боец Леонтьев после ночного дежурства отдыхает. А Семёнов отправился обстановку узнавать. Немец напал, бомбит, гад!

Сержант говорил быстро, заметно нервничая. Винтовку держал так, будто она могла в любой момент вырваться из рук. Я выбрался из кабины. Так, Бондарчук, слушай мою команду! Он мгновенно выпрямился. Диверсанта и всех задержанных доставить в кузов. Проверить, чтобы оружие и документы были при них. Никого не терять из виду. Петька, помоги сержанту. Есть! отозвался ординарец. Дальше едем к складу с оружием. Сержант на секунду замялся. Товарищ майор, так складом заведует военный комендант. Он сейчас, кажется, в штабе… Сержант, я тебя не спрашивал, кто заведует складом. Я приказал ехать к складу. Так точно! Бондарчук бросился выполнять распоряжение. Я оглядел поселок. Нужно было действовать быстро. Пока люди ещё не разбежались, пока оружие не оказалось брошенным, пока немецкие передовые части не вышли к нам. В голове уже выстраивался план. Первым делом вооружить своих. Затем установить связь с пограничниками и выяснить, где находятся немецкие передовые подразделения. И самое главное разобраться с пленным диверсантом. Если его действительно задержали накануне нападения, он мог оказаться ценнее целого ящика патронов. Товарищ майор! позвал Петька. Я обернулся. Что? А если немцы сюда придут? Я посмотрел на парня. Он старался держаться молодцом, но страх уже пробивался сквозь его браваду. Придут, Петька. Обязательно придут. И что делать будем? Для начала сделаем так, чтобы им здесь было не слишком уютно. В этот момент из-за амбара выбежал запыхавшийся красноармеец. Товарищ майор! Там беда! Немецкие самолёты бомбят железнодорожную станцию. По дороге движутся какие-то колонны! Вот теперь начиналось самое интересное. Я посмотрел на сержанта: Бондарчук, сколько у нас людей, винтовок и патронов? Мне нужен точный доклад. И найдите Семёнова. Живым и здоровым. Есть! Я повернулся к Петьке: А теперь покажи мне этого самого диверсанта. Хочу поговорить с ним лично. Кажется, у нас с ним накопилось несколько вопросов. Но тут со стороны улицы появился боец Семёнов. Бежал он так, словно за ним лично гнался весь вермахт. Лицо бледное, глаза выпученные, фуражка набекрень. Товарищ майор! Война! Немцы! Они уже… Сам знаю! перебил я его. Докладывай по существу! Семёнов сглотнул и попытался отдышаться. На станции бомбёжка. Железнодорожные пути повреждены. По дороге на запад идут колонны, люди разбегаются. В небе немецкие самолёты… Так, Семёнов, слушай внимательно. Срочно организовать мобилизацию всех мужчин, способных держать лопату. Собрать все подводы, какие есть в посёлке. Лошади, телеги, повозки всё, что можно использовать для перевозки грузов. Инструмент найти: лопаты, топоры, кирки, ломики. Есть? Есть, товарищ майор! Вот и хорошо. Стариков, женщин и детей без необходимости не трогать. Пусть помогают с эвакуацией раненых и продовольствия. Ищите местных коммунистов, председателя сельсовета. Мне нужны люди, которые знают каждый двор и каждую дорогу. Есть! Я посмотрел на Бондарчука. Сержант, сколько задержанных? Трое, товарищ майор. Один диверсант и двое местных, которые ему помогали. Понятно. Потом разберёмся. Честно говоря, возиться с ними сейчас было некогда. Мы погрузили троих в кузов полуторки. Петька уселся рядом, присматривая за задержанными. Я забрался в кабину и хлопнул дверцей. К складу! Машина рванула с места. Склад оружия находился на окраине посёлка, за невысоким кирпичным забором. Большие металлические ворота были закрыты, возле них стоял

часовой с винтовкой. Увидев нашу машину, он вскинул оружие. Стой! Кто идёт? Майор НКВД Крылов! Открыть ворота! Часовой растерянно посмотрел на меня, затем на документы, которые я предъявил через окно. Товарищ майор, у нас приказ начальника склада без письменного распоряжения ничего не выдавать. Я медленно вышел из машины. Как фамилия начальника? Лейтенант Соколов. Где он? Внутри, товарищ майор. Позови. Через минуту из здания вышел невысокий лейтенант в гимнастёрке. Вид у него был такой, словно его подняли с постели посреди ночи. Что случилось? Война, лейтенант. Немцы напали. Мне необходимо оружие для подразделения. Но у меня нет распоряжения окружного командования. Без накладной и соответствующего приказа я не могу… Я посмотрел на него. Передо мной стоял человек, который ещё пытался жить по вчерашним правилам.

Лейтенант, послушайте меня внимательно. Сейчас не время выяснять, какая бумага должна лежать на каком столе. Если через час сюда войдут немцы, ваше оружие достанется им. Вы этого хотите? Никак нет! Тогда открывайте склад. Оружие, патроны, гранаты, средства связи. Всё выдаётся по ведомости. Своих людей назначьте ответственными за учёт. Ничего не терять и не разбрасывать. Понятно? Лейтенант помолчал, затем кивнул. Есть, товарищ майор. Ворота распахнулись. Внутри пахло машинным маслом, деревом и старым железом. Вдоль стен стояли оружейные стеллажи, деревянные ящики громоздились почти до потолка. Я прошёл между рядами, рассматривая содержимое. Вот они, родные. Мосинки, карабины, ручные пулемёты, ящики с патронами. Советская армия готовилась к войне, только вот война почему-то пришла раньше, чем многие ожидали. Лейтенант, покажите остатки. Он провёл меня в соседнее помещение. Здесь винтовки. Здесь пулемёты. Патроны отдельно. Гранаты в запираемом шкафу. Есть ещё несколько ящиков с перевязочным материалом и индивидуальными пакетами. Хорошо. Сначала обеспечиваем личный состав. Остальное оставляем под охраной. Я достал блокнот из планшета и начал записывать. Петька заглянул через плечо. Товарищ майор, а мне чего взять? Тебе сначала винтовку. И патронов к ней. Наган оставь при себе. Так точно! Через некоторое время к складу начали прибывать наши бойцы. Бондарчук привёл нескольких красноармейцев, Семёнов вернулся с десятью местными жителями, которые помогали грузить ящики на подводы. Лейтенант Соколов лично контролировал выдачу. Каждая винтовка записывалась в ведомость, патроны выдавались по числу людей, пулемётное имущество складывалось отдельно. Я потребовал проверить исправность оружия и наличие принадлежностей. На складе постепенно становилось шумно. Звенели затворы, скрипели ящики, кто-то ругался, кто-то искал ремень подходящей длины. И вдруг я поймал себя на странной мысли. Ещё вчера я сидел на собственной рубиновой свадьбе, слушал тосты детей и думал, что жизнь прожита. А сегодня стою в сорок первом году, в форме майора НКВД, и пытаюсь собрать из перепуганных людей хоть какое-то боеспособное подразделение. Жизнь, оказывается, умеет шутить почище любого сатирика. Я посмотрел на часы. Времени оставалось мало. Петька! Я! Найди лейтенанта Соколова. Пусть подготовит документы на всё выданное оружие. А сам проверь машину и топливо. Есть! Я повернулся к Бондарчуку: Сержант, где наши задержанные? В кузове, товарищ майор. Хорошо. Теперь будем разбираться, кого мы вчера поймали. Потому что у меня нехорошее предчувствие: этот диверсант может знать о сегодняшнем нападении гораздо больше, чем мы думаем. И впервые за всё утро я почувствовал, что начинаю понимать свою новую должность. Только вот хотелось бы ещё узнать, какое именно подразделение мне досталось и сколько у него людей. Потому что воевать с немцами предстояло не на бумаге.

Глава 4

Уже через пару часов наша небольшая колонна покинула посёлок. Три машины, четыре подводы, несколько десятков человек. Не армия, конечно, но для начала сгодится. Впереди на телеге сидел местный коммунист, пожилой мужик с окладистой бородой. Он показывал дорогу и время от времени оборачивался, проверяя, не отстали ли мы. Товарищ майор, до заимки ещё километров пятнадцать, крикнул он. Дорога там плохая, после дождей совсем раскисла. Но проехать можно. Я кивнул. Заимка лесника. Именно туда мы и направлялись. Мне нужна была база, место, откуда можно организовать сопротивление, наладить связь, собрать людей и начать собственную войну. Я сидел в кабине полуторки рядом с Петькой и смотрел на мелькающие за окном деревья. Позади оставался посёлок, впереди начиналась неизвестность. На складе мы основательно подготовились. Я забрал всё, что могло пригодиться, но не стал оставлять местных совсем безоружными. Лейтенанта Соколова тоже забрал с собой вместе с несколькими его бойцами.

Соколов оказался парнем исполнительным, хотя и слишком молодым. На вид лет двадцать пять, аккуратная гимнастёрка, начищенные сапоги, ещё совсем мальчишеское лицо. Жалко было пацана. Я прекрасно понимал, что в первые месяцы войны таких, как он, будут убивать тысячами. Хорошие, честные ребята. Многие даже не успеют понять, что произошло. Но оставить его в посёлке означало практически обречь на гибель. Немцы наступали быстро, связь рушилась, части попадали в окружение. А здесь у него хотя бы оставался шанс. Товарищ майор, нарушил мои мысли Петька. Чего? А далеко мы едем? В леса. Это я понял. А зачем? Я повернулся к нему. Петька, ты когда-нибудь слышал про партизан? Слыхал. В гражданскую ещё были. Вот и хорошо. Значит, будешь вспоминать. Он задумался, потом посмотрел на дорогу. Так мы что, отступаем? Мы не отступаем, Петька. Мы меняем место дислокации. Он усмехнулся. А, ну тогда понятно. Я тоже невольно улыбнулся. Колонна тем временем углублялась в лес. Сосны сменялись берёзами, дорога становилась уже, ветви царапали борта машин. Время от времени приходилось останавливаться, чтобы подводы не отставали. Я достал карту из планшета. Белорусские леса. Вот где нам предстояло жить, работать и воевать. Я знал, что впереди будут окружения, отступления, голод, болезни, предательство и потери. Знал, что немцы будут пытаться уничтожить любое сопротивление в тылу. Но я знал и другое: эта война не закончится быстро. И если судьба дала мне второй шанс, то сидеть сложа руки я не собирался. Петька, сказал я, не отрываясь от карты. Я, товарищ майор! Когда доберёмся, соберёшь всех командиров. Проведём совещание. А что будем решать? Я посмотрел на уходящую под колёса дорогу. Как сделать так, чтобы через год у немцев здесь земля горела под ногами. За поворотом показалась небольшая лесная избушка. Рядом стояла старая баня, сарай и колодец. Чуть дальше начиналась густая чаща, за которой терялась узкая лесная тропа. Местный коммунист остановил свою подводу и указал рукой: Вот она, товарищ майор. Заимка лесника. Дальше только лес. Я вышел из машины. Вдохнул запах хвои, влажной земли и древесной коры. Посмотрел на своих людей. Ну что, товарищи. Кажется, приехали. Теперь предстояло самое трудное превратить эту случайную компанию солдат, пограничников и местных жителей в настоящий отряд. И начинать нужно было немедленно. Я собрал командиров и местных активистов в небольшой комнате лесной заимки. Стол заменял широкий деревянный верстак, на нём лежала карта района, несколько карандашей и моя полевая сумка. Присутствовали лейтенант Соколов, коммунист Дмитрий Михайлович Лясый, которого все звали просто Лясый, и Михаил Степанович местный бригадир железнодорожников по прозвищу Борода. Я обвёл всех взглядом. Так, товарищи. Немецкий агрессор без объявления войны напал на нашу Родину. Враг перешёл границу, бомбит города, станции и военные объекты. Наша задача организовать оборону на вверенном нам участке. И сразу хочу предупредить: лёгкой прогулки не

будет. Все молчали. Товарищ лейтенант Соколов! Я! Назначаетесь интендантом нашей части. Ваша задача переписать всё имущество, оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Организовать хранение и учёт. Никакой бесконтрольной раздачи. Всё должно быть записано. Потеря имущества без объяснения причин будет рассматриваться отдельно. Соколов выпрямился. Есть, товарищ майор! Дмитрий Михайлович! Слушаю. Организуйте строительство землянок, продовольственных складов и хозяйственных помещений. В вашем распоряжении все местные жители, которые пришли с нами. Нужно обустроить постоянную базу. Не палаточный лагерь, а место, где люди смогут пережить зиму. Лясый кивнул. Сделаем, товарищ майор. Мужиков найдём, руки у нас есть. Вот и хорошо. Я повернулся к Бородачу. Михаил Степанович, теперь ваша очередь. Собирайте своих товарищей-железнодорожников. Будете организовывать обучение и подготовку специалистов по железнодорожному делу. Нам нужны люди, которые знают пути, мосты, станции, расписания и местность. В дальнейшем эти знания нам очень пригодятся. Понял, товарищ майор. Железнодорожников соберу. Вдруг снаружи поднялся шум. Кто-то громко спорил, слышались женские голоса. Я выглянул в окно. Петька пытался остановить женщину, которая решительно пробиралась к нашей избушке. Нельзя! Товарищ майор занят! Да пусти ты меня, милый! Мне с командиром поговорить надо! Приказано никого не пускать! Так я не диверсант какой-нибудь! Петька! крикнул я. Пропусти! Через минуту в комнату вошла запыхавшаяся женщина лет сорока. Платок сбился набок, на платье виднелись следы дорожной пыли. Здравствуйте, товарищ командир! Я Алевтина Сдюсарь, бригадир с фермы. Мы тут посовещались и решили, что тоже будем воевать. Нас две подводы. Активисты, комсомолки. Возьмите нас! Она говорила быстро, словно боялась, что я успею отказать. А в посёлке что творится! Все бегают, никто ничего не знает. Кто детей собирает, кто скотину гонит, а мужики стоят и глазами хлопают. Мы ждать не собираемся! Я невольно улыбнулся. Вот тебе и тыл. Женщины уже организовались быстрее некоторых военных. Хорошо, Алевтина. Принимаем. Поступаете в распоряжение Дмитрия Михайловича. Вместе с женщинами организуете хозяйственную часть, приготовление пищи, стирку, медицинскую помощь, обустройство помещений. Работы будет много. Сделаем, товарищ командир! И ещё. Никто не должен думать, что война закончится через неделю. Запомните: война будет долгой. Мы должны подготовиться к зиме. Уйдём в зиму значит, должны иметь тёплые землянки, запасы еды, одежду, лекарства и подготовленных людей. Соколов удивлённо поднял голову. Как в зиму, товарищ майор? А как же бить врага на его территории? Мы же должны наступать! Отставить панику! резко произнёс я. Он замолчал. Я не сказал, что мы собираемся сидеть сложа руки. Я сказал, что война будет долгой. И если вы собираетесь воевать, то сначала научитесь выживать. Побеждает не тот, кто громче всех кричит о наступлении, а тот, кто способен продолжать борьбу завтра, через месяц и через год. Я обвёл присутствующих взглядом. Вопросы есть? Вопросов не было. Тогда за работу, товарищи! Когда все разошлись, я вышел из избушки и направился в глубину леса. Только сейчас позволил себе расслабиться. Прислонился к старой сосне, достал кисет, набил трубку и долго смотрел на верхушки деревьев. Тишина. Птицы щебетали, где-то стучал дятел. Солнце пробивалось сквозь ветви, золотя лесную подстилку. Невероятно. Ещё вчера я был пожилым человеком. У меня была жена, дети, внуки, однополчане, с которыми мы отмечали сорок лет совместной жизни. У меня болело сердце, я думал о смерти и даже успел смириться с тем, что жизнь подходит к концу. А теперь? Теперь мне сорок лет. Я майор НКВД. На дворе 22 июня 1941 года. В моём распоряжении несколько десятков человек, три машины, четыре подводы и склад оружия. Я попаданец. Слово показалось мне смешным. Когда-то я читал подобные книги, посмеивался над сюжетами, где человек из будущего попадал в прошлое и начинал менять историю. А теперь сам оказался героем такой книги. Я затянулся трубкой. «Ну здравствуй, сорок первый год. Не ожидал?» Но за шуткой скрывалась совсем другая мысль. Я ведь знал, что будет дальше. Знал про Брестскую крепость, про Киевский котёл, про Минск, про окружения и миллионы погибших. Знал про блокаду Ленин-

града, Сталинград и Курскую дугу. Знал, что многие из тех, кто сегодня смеялся на свадьбах и строил планы на будущее, никогда больше не увидят своих домов. И самое страшное я не знал, насколько могу изменить происходящее. У меня не было спутниковой связи, компьютера, интернета и даже нормальной карты района. Только память человека, который прожил долгую жизнь и интересовался историей. Я вдруг вспомнил жену. Интересно, что с ней теперь? Там, в будущем, моё тело умерло? Дети плакали на похоронах? А внуки? Я опустил голову. Эх, родная… тихо произнёс я. Впервые с момента пробуждения в этом теле мне стало по-настоящему тяжело. Но долго предаваться воспоминаниям не получилось. Из-за деревьев послышался голос Петьки: Товарищ майор! Вас лейтенант Соколов спрашивает! Я выдохнул дым и усмехнулся. Ну вот. Новая жизнь не давала даже спокойно покурить. Иду, Петька! Я затушил трубку о кору и направился обратно к заимке. Впереди была война. И, похоже, очень долгая.

Глава 5

Я вернулся на заимку, когда солнце уже начало клониться к верхушкам деревьев. У крыльца меня ждал Соколов. Вид у него был такой, словно он собирался сообщить мне о конце света. Хотя, если подумать, конец света сегодня уже случился просто не для всех. Товарищ майор, разрешите доложить? Докладывайте, товарищ лейтенант. Только без панихиды, если можно. Соколов замялся, бросил взгляд на Петьку, стоявшего неподалёку, и понизил голос: Мы тут с людьми посовещались. Есть одна проблема. Всего одна? Уже хорошо. Излагайте. Люди спрашивают, что делать дальше. Одни хотят идти домой, к семьям. Другие говорят, что надо пробираться к своим. Третьи вообще предлагают уходить на восток. А ещё… он замолчал. Что ещё? Патронов мало. Связи нет. Радиостанции у нас нет. И мы даже не знаем, где сейчас наши части. Я посмотрел на него. Молодой, худощавый, аккуратно выбритый. На петлицах знаки различия лейтенанта. В глазах пока ещё жила уверенность, что где-то наверху обязательно найдётся человек, который знает, что делать. И этот человек отдаст правильный приказ, после которого всё встанет на свои места. Плохая новость, лейтенант: такого человека здесь нет. По крайней мере, пока. Соколов, вы когда-нибудь слышали выражение «управляемый хаос»? Никак нет. Вот и хорошо. Значит, не будете спорить. Сейчас вокруг нас хаос. Немцы наступают, наши части отходят или попадают в окружение, связь нарушена. И если мы начнём метаться из стороны в сторону, то просто разбежимся по лесам и пропадём. Поэтому действовать будем спокойно и последовательно. Я прошёл к столу, на котором лежала карта района. Карта была старая, местами потёртая, с карандашными пометками. Никаких подробных сведений о немецких войсках на ней, разумеется, не было. Первое. Нужно выяснить, где находятся наши ближайшие части. Для этого отправим несколько человек к дороге и железнодорожной станции. Не толпой, а небольшими группами. Пусть узнают, кто проходит, откуда и куда движется. Никаких геройских подвигов. Увидели немцев не вступать в бой, возвращаться и докладывать. А если они нас остановят? Тогда будете отвечать на вопросы. Вы же не диверсионная группа, а заблудившиеся военнослужащие. Документы у вас есть? Есть. Вот и прекрасно. Второе. Нужно наладить связь с местными. Старосты, председатели сельсоветов, железнодорожники, лесники. Кто угодно, кто может сообщить нам о передвижении противника. Третье никаких самовольных выходов из лагеря. Каждый, кто уходит, должен сообщить, куда и зачем. Соколов слушал внимательно, но по его лицу было видно: он всё ещё ждал главного. А воевать мы когда начнём, товарищ майор? Я усмехнулся. А вы уже готовы? Так точно! А ваши люди? Он не ответил сразу. Не все. Вот именно. Вы хотите отправить неподготовленных людей против немецких солдат, которые уже несколько лет воюют в Европе? Это не кино, Соколов. Здесь никто не будет ждать, пока вы займёте удобную позицию и красиво дадите команду. Нас просто положат в первом же столкновении. Лейтенант опустил глаза. Но сидеть без дела тоже нельзя. Кто сказал, что мы будем сидеть? Вы лично займётесь подготовкой людей. Строевая, обращение с оружием, наблюдение, дисциплина. Борода займётся железнодорожниками. Лясый строительством и хозяйством. А я постараюсь понять, что происходит вокруг нас и как нам не дать себя уничтожить в первые же недели. Я сделал паузу и посмотрел на карту. И ещё, Соколов. Забудьте пока слово «победа». Наша ближайшая задача выжить. Сохранить людей, оружие, продовольствие и возможность действовать. Если справимся с этим, появится шанс сделать что-то большее. Понял, товарищ майор. Не уверен, что поняли. Но со временем разберётесь. В этот момент в дверь заглянул Петька. Товарищ майор, там Борода пришёл. Говорит, надо срочно с вами поговорить. Пусть входит. Борода появился на пороге, вытирая ладонью пот со лба. Его густая борода была растрёпана, рубаха расстёгнута на груди. Товарищ майор, у меня новости. Надеюсь, хорошие? Как сказать… На станции люди видели немецкие самолёты. Говорят, составы стоят, движение остановлено. А ещё один машинист добрался сюда пешком.

Я невольно напрягся. Откуда идут? Со стороны запада. Точного места он не знает. Говорит, на путях уже несколько разбитых составов.

Вот оно. Первые реальные сведения, не слухи и не мои воспоминания из учебников истории. Где этот машинист? У Лясого. Его сейчас кормят. Приведите его сюда. И никому не позволяйте разбегаться по деревням с рассказами о немецких эшелонах. Сначала выясним всё сами. Борода кивнул и вышел. Я снова посмотрел на карту. В голове начали складываться первые варианты. Железная дорога, эшелоны, раненые, остановленное движение… Если всё действительно так, как рассказывал машинист, то где-то рядом могли оказаться люди, которым просто некуда было отступать. Я провёл пальцем по карте. Петька, позвал я. Я здесь, товарищ майор. Принеси мне кипятку. И найди двух человек, которые хорошо знают местные дороги. Только не болтунов. Сделаю. Соколов всё ещё стоял у стола. Товарищ майор, а вы сами куда собираетесь? Я поднял на него глаза. Пока никуда. Сначала поговорю с машинистом. Потом решим. А если там наши раненые? Тогда постараемся им помочь. Соколов хотел что-то сказать, но передумал. Я снова остался один перед картой. За окном шумел лес, где-то стучал топор, слышались голоса людей. На заимке начиналась жизнь маленького отряда, который ещё даже не стал отрядом. И всё же я понимал: времени у нас почти нет. Война только началась. А я уже знал, сколько крови она потребует. Знал о городах, которые падут, о миллионах людей, которые окажутся в окружении, о зиме, к которой никто здесь пока не готов. Но знать историю и суметь её изменить две совершенно разные вещи. Я достал трубку, набил её табаком и прикурил от спички. Ну что, Николай Андреевич, пробормотал я себе под нос. Давай попробуем хотя бы на этот раз не опоздать.

Глава 6

Я вызвал сержанта Бондарчука и велел ему организовать посты и дежурство на дороге. Нужно было знать, кто появляется в окрестностях, какие части проходят через район и нет ли поблизости немецких разведчиков. Товарищ сержант, выставьте наблюдателей на всех подходах к заимке. Особое внимание дороге со стороны станции и деревни. Посты должны сменяться регулярно. Люди на постах с оружием, но без самодеятельности. Увидели незнакомых сначала доложить, а уж потом принимать решения. Понял, товарищ майор. И ещё. Никаких костров в темноте, никаких громких разговоров. Место наше пока никто не должен знать. Бондарчук козырнул и отправился выполнять приказ. Потом вызвал Алевтину. Ну сестрица сегодня день жатвы. Спасибо что коров привели, но собирай обозы и бери всех женщин. Ваша задача корма и оборудование для молочки. Я подозвал Лейтенанта Соколова с бойцами и трёх местных парней, которых мне представили ещё утром. Одного звали Иваном, второго Григорием, третьего Фёдором. Все трое были примерно одного возраста, крепкие деревенские ребята. Иван работал на лесозаготовках, Григорий был трактористом, а Фёдор до войны служил в пограничных войсках и вернулся домой совсем недавно. Ну что, орлы, сказал я, оглядев их. Пойдём посмотрим, что творится вокруг. Только сразу договоримся: никто не геройствует. Увидели противника не бросаемся на него с вилами и не пытаемся стать героями Советского Союза. Наша задача вернуться и рассказать, что видели. А если немцы встретятся? спросил Григорий. Тогда будем думать по обстоятельствам. Но лучше, чтобы они нас вообще не заметили. Петька проверил свою винтовку, поправил ремень и посмотрел на меня. Товарищ майор, может, мне впереди идти? Нет. Впереди пойдёт Фёдор. Он местность знает и в пограничниках служил. Ты держись рядом со мной. Мы вышли со двора и направились к лесной дороге. День был жаркий, душный. Воздух был наполнен запахом нагретой хвои, пыли и свежескошенной травы. Где-то далеко глухо ухало. Иногда доносился рокот самолётов, и каждый раз мы невольно поднимали головы к небу. Я старался не показывать, насколько меня тревожили эти звуки. Фёдор, тихо спросил я, куда ведёт эта дорога? К деревне, товарищ майор. Если дальше пройти, будет развилка. Одна дорога к станции, другая к большому шоссе. А лесные тропы есть? Есть. Тут лесники знают каждую просеку. Можно до соседнего села добраться, почти не выходя на открытое место. Хорошо. Покажешь. Мы шли уже около получаса, когда Иван вдруг остановился и поднял руку. Товарищ майор, глядите. На дороге виднелись следы. Колёса грузовика, копыта лошадей, отпечатки сапог. Но больше всего меня заинтересовали глубокие колеи от тяжёлой техники. Я присел и внимательно осмотрел землю. Давно прошли? Фёдор тоже наклонился. Судя по пыли, недавно. Может, час назад. Наши? Не знаю. Машина шла тяжёлая. Возможно, грузовик. Петька посмотрел в сторону дороги. А может, немцы? Может, и немцы. Поэтому и будем выяснять, а не гадать. Мы двинулись дальше, стараясь держаться лесной опушки. Вскоре впереди послышались голоса. Я остановил группу и жестом приказал всем присесть. Из-за поворота показались двое мужчин в гражданской одежде. Один вёз велосипед, второй шёл рядом, придерживая рукой старую сумку. Оба часто оглядывались. Я поднялся из-за деревьев. Стойте! Кто такие? Мужчины вздрогнули. Тот, что был с велосипедом, едва не уронил его. Свои! Свои мы! быстро заговорил он. Не стреляйте! Никто пока не стреляет. Подойдите сюда. Документы есть? Они подошли, заметно нервничая. Я представился и попросил объяснить, откуда идут. Оказалось, один был железнодорожником со станции, второй жителем соседней деревни. Железнодорожник, назвавшийся Павлом, рассказал, что утром видел несколько военных грузовиков, двигавшихся в сторону запада. А потом на станции началась паника. Поезда стоят, товарищ майор, говорил он, вытирая пот со лба. Начальство куда-то исчезло. Телефон не работает. Люди не знают, что делать. А ещё говорят, что немцы уже совсем близко. Кто говорит? Да все говорят! Самолёты немецкие летали, бомбили дорогу. Один состав разбит

неподалёку. Там люди остались, раненые есть. Я почувствовал, как внутри всё похолодело. Где именно разбит состав? Павел показал рукой в сторону железной дороги. За станцией, километра три отсюда. Там ещё дым виден. Я посмотрел на Петьку. Тот молчал, но по его лицу было понятно, что он думает о том же, о чём и я. Раненые. Брошенные люди. Возможно, военные, возможно, гражданские. Павел, сказал я, вы сможете показать дорогу? Смогу, товарищ майор. Тогда пойдёте с нами. Но сначала одно предупреждение: если там немцы, мы не будем бросаться на них в открытую. Понятно? Понятно. Я повернулся к своим. Продолжаем разведку. Только теперь идём к станции. Нам нужно выяснить, что там произошло и есть ли возможность эвакуировать раненых. Петька приблизился ко мне и тихо произнёс: Товарищ майор, а если там действительно немцы? Я посмотрел на него. Тогда, Петька, придётся познакомиться с войной поближе. И мы двинулись дальше, в сторону станции. Над лесом снова послышался гул самолётов. На этот раз он был ближе. Я поднял голову и увидел две маленькие тёмные точки, быстро уходившие за облака. Война не просто приближалась. Она уже шла по этой дороге навстречу нам. Мы шли по лесному пролеску, стараясь не шуметь. Солнце уже клонилось к горизонту, когда Фёдор неожиданно остановился и поднял руку. Товарищ майор, там кто-то есть. Мы осторожно раздвинули ветки и посмотрели вниз, на небольшую поляну. Перед нами находилась немецкая стоянка. Один танк, рядом бронетранспортёр «ганомаг», как называли его сами немцы. Возле машин горел костёр, над которым что-то жарилось. Запах мяса и дыма разносился по лесу. После нескольких часов ходьбы наши желудки дружно напомнили о себе. Петька, ты немецкий знаешь? спросил я шёпотом. Конечно, товарищ майор. Хорошо. Всем лежать. Остальные остаются здесь. Петька, со мной. Мы поползли в сторону костра, выбирая место, откуда можно было наблюдать за немцами, не выдавая себя. Их было шестеро солдат и двое офицеров. Судя по всему, после первого боя они остановились передохнуть. Настроение у них было праздничное. Один офицер рассказывал что-то, остальные смеялись, поднимали кружки и произносили тосты за победу. Я прислушался. Немецкая речь доносилась довольно отчётливо. Они считают, что война уже выиграна, прошептал Петька. Но я и сам знал немецкий. Многие так будут считать. До тех пор, пока не поймут, что ошиблись. Я ещё некоторое время наблюдал за стоянкой. Немцы были уставшими, расслабленными и совершенно не ожидали появления противника. Один солдат дежурил неподалёку от машин, остальные сидели у костра. Мне удалось дождаться момента, когда внимание немцев отвлеклось на очередной тост. Дальше всё произошло быстро. Постовой оказался обезоружен, а остальные, поняв, что их окружили, не успели организовать сопротивление. Хенде хох! крикнул Петька на немецком. Оружие на землю! Офицеры подняли руки. Один из них попытался что-то возразить, но я направил на него пистолет. Без глупостей, господин офицер. Сегодня вы уже достаточно повоевали. Мы собрали оружие и отвели пленных подальше от стоянки. Фёдор с Григорием и Иваном вскоре подошли к нам. Вот это улов, товарищ майор, прошептал Иван, разглядывая танк. Не радуйся раньше времени. Сначала выясним, кто они и откуда. Допрос проводил Петька. Немцы быстро поняли, что сопротивляться бесполезно. Выяснилось, что они принадлежат к подразделению, действующему в составе танковой группы Гудериана. Их часть двигалась вперёд, а эта небольшая группа отстала после боя. Я слушал и чувствовал, как внутри всё холодеет. Значит, это не просто передовой отряд. Перед нами была одна из частей той самой танковой лавины, которая должна была прорваться в глубину советской территории. Товарищ майор, что с ними делать? спросил Соколов, когда я вернулся к нашим. Я посмотрел на пленных, затем на немецкие машины. Отправить их в лагерь. Охрану усилить. Особенно за офицерами. И ни в коем случае не допускать разговоров между пленными. А техника? Я некоторое время молчал. В голове уже созрел план. Опасный, безумный, но, возможно, способный дать нам шанс. Бронетранспортёр оставляем пока здесь. Петька, со мной. Будем использовать то, что нам подарил противник.

Глава 7

Мы переоделись в немецкую форму. Я выбрал китель одного из офицеров, на котором были знаки различия капитана. Петьке досталась форма танкиста. Немецкие документы мы взяли у пленных, но я прекрасно понимал, что долгое общение с настоящими немцами нам противопоказано. Товарищ майор, тихо сказал Петька, устраиваясь в танке, а если нас раскроют? Тогда постарайся не перепутать педали. Очень смешно. Я и не шутил. Посадив немецкого механика в танк. Я воткнул ему в карман гранату. Мы двинулись вслед за немецкой колонной. Ночь скрывала нас от посторонних глаз, а немецкая техника на дороге никого особенно не удивляла. Перед рассветом мы догнали передовые подразделения. Нас остановили, проверили документы и спросили, из какой части прибыли. Я отвечал уверенно, насколько позволяли мои знания языка. Я добавлял короткие фразы, стараясь не вступать в долгие разговоры. Петька шутил с ними. В конце концов нас направили на стоянку. Можете оставить машину здесь, сказал немецкий унтер-офицер. Для экипажа найдётся место. Отдохнёте до утра. Я кивнул и поблагодарил его. Когда мы остались одни, я наклонился к Петьке. Слушай внимательно. Через час ты подождёшь танк и покинешь стоянку и вернёшься к нашим. Ясно? А вы? У меня есть одно дело. Товарищ майор, мне это не нравится. Мне тоже. Но приказ есть приказ. Твоя задача вернуться живым. Если что-то пойдёт не так, не геройствуй и не пытайся меня искать. Петька хотел возразить, но я посмотрел на него так, что он замолчал. Понял? Так точно. Я оставил его у машины и направился в сторону командного пункта. Китель немецкого капитана давал мне возможность пройти мимо нескольких солдат, не вызывая немедленных подозрений. Я старался держаться уверенно, не смотреть по сторонам и не задерживаться возле людей, которые могли начать задавать вопросы. Штаб обнаружился неподалёку от группы командирских машин. Я нашёл укрытие возле дерева и стал ждать. Время тянулось мучительно медленно. В голове крутились мысли о том, что я делаю. Если меня разоблачат, никакие документы уже не помогут. Если не получится, Петька останется один. А если получится… Я не стал заканчивать эту мысль. В условленное время со стороны стоянки раздался оглушительный взрыв. Немецкий танк вспыхнул, и над лагерем поднялся столб дыма. Послышались крики, команды, топот сапог. Из палаток и машин начали выбегать офицеры, адъютанты и солдаты. Началась суматоха. Я снял немецкий китель, оставшись в рубашке, и смешался с толпой. Теперь главное было не выделяться. В предрассветной дымке лица казались одинаковыми, люди кричали, перебивали друг друга, пытались понять, что произошло. И тут я увидел его. Хайнц Гудериан. Я узнал его сразу. Даже в этой суматохе он выделялся своей выправкой и уверенностью. Рядом находились офицеры штаба, которые пытались доложить ему о происшествии. Вот он, человек, чьё имя я столько раз встречал в книгах. Один из главных организаторов немецких танковых прорывов. Человек, чьи войска должны были сыграть огромную роль в катастрофах первых месяцев войны. На мгновение я замер. Передо мной стоял не портрет из учебника истории, а живой человек. Он разговаривал, сердился, отдавал распоряжения. И я вдруг ясно понял, насколько странно устроена судьба: ещё недавно я был обычным человеком из другого времени, а теперь стоял в нескольких шагах от одного из самых известных немецких генералов. Выдернув чеку гранаты я опустил ее под ноги. Сделал несколько шагов вперёд. Дальнейшее произошло почти мгновенно. Взрыв гранаты разорвал утреннюю тишину. Люди бросились врассыпную, кто-то упал, кто-то закричал. Я воспользовался паникой, приблизился к Гудериану и нанёс ему удар ножом в бок. Он согнулся, и ни кто не обратил внимания. Я бросил ещё две гранаты в сторону скопления людей и бросился бежать. Позади гремели взрывы, слышались выстрелы и отчаянные команды. Я добрался до места, где оставил китель, схватил его и нырнул в лесную полосу. Только оказавшись среди деревьев, я позволил себе остановиться. Лёгкие горели, сердце колотилось. Руки дрожали. Я прижался спиной к стволу и попытался

отдышаться. «Получилось? Не получилось?» Я не знал. Я только что попытался изменить ход войны одним безумным поступком. Но даже если Гудериан погиб, немецкая армия не исчезнет по мановению волшебной палочки. У неё останутся другие генералы, другие штабы, другие танки. А у нас несколько десятков человек, оружие и лесная заимка. Я посмотрел на свои окровавленные руки и тихо выругался. Ну что, Николай Андреевич… Теперь главное самому до своих добраться. И я углубился в лес, понимая, что после сегодняшней ночи немцы будут прочёсывать каждый метр окрестностей. Пробираясь через лес, я постепенно удалялся от немецкой стоянки. В ушах ещё стоял грохот взрывов, а в голове крутилась одна мысль: удалось ли мне достать Гудериана? Но сейчас было не до размышлений. Нужно было добраться до своих, пока немцы не начали прочёсывать окрестности. Выйдя на дорогу, я заметил знакомые следы колёс. Видимо, здесь недавно прошла немецкая техника. Я пошёл вдоль дороги, не торопясь и внимательно прислушиваясь к каждому звуку. По дороге встретил Петьку и мы обнялись. Это была наша первая диверсионная операция. Я танк взорвал радовался он. А я убил немецкого генерала и еще шесть полковников похвастался. да ну удивился Петька. Учись студент сказал я не сбавляя шага. А откуда вы знаете что я студент спросил Петька скрывавший до этого эту часть своей биографии. А потом вспомнил что я майор НКВД и догнал меня. Через некоторое время впереди показалась стоянка грузовиков. Их было восемь. Машины стояли у обочины, возле них суетились солдаты. Всего я насчитал восемь солдат и одного унтер-офицера. Я поправил китель, выпрямился и направился прямо к ним. Что здесь происходит?! рявкнул я на часового по-немецки. Кто разрешил устроить стоянку без надлежащего порядка?! Постовой вытянулся, словно его ударили током. Из-за грузовиков начали выглядывать водители. Я продолжал кричать, не давая никому опомниться: Всех построить! Немедленно! Унтер-офицера ко мне! Через минуту передо мной стояли растерянные немцы. Унтер вышел вперёд и щёлкнул каблуками. Господин капитан, обоз снабжения. Восемь грузовиков. Мы ожидаем дальнейших распоряжений. Ожидаете? я смерил его сердитым взглядом. А почему машины стоят без охраны? Почему водители разбрелись? Вы вообще понимаете, что происходит на дороге? Унтер начал что-то объяснять, но я оборвал его. Ваше подразделение задерживается для проверки. Оружие сдать! Он посмотрел на меня с недоумением. Но, господин капитан… Вы ещё будете обсуждать мои приказы?! Пока немцы пытались понять, что происходит, я дал знак. И Петка взял их на мушку. Унтер понял, что попал в ловушку, но было поздно. Немцы оказались окружены и вынуждены были сдаться. Петька быстро связали немцев и собрали оружие и проверили машины. Грузовики оказались загружены продовольствием, ящиками с боеприпасами, канистрами с горючим и различным военным имуществом. Вот это уже интереснее, пробормотал я. Оставили шесть машин под прикрытием леса загнали глубже между деревьями, замаскировали. Сами сел за руль оставшихся машин. Дорога была знакомой. У развилки на Кобрин я наконец узнал местность и понял, что до нашей заимки уже недалеко. Вскоре показалась дорога, ведущая к лагерю. Постового я заметил сразу. Он стоял возле дерева с винтовкой наготове. Увидев немецкий грузовик, вскинул оружие. Я высунулся из кабины и замахал белым платочком. Свои! Не стреляй, чёрт тебя побери! Постовой узнал меня и опустил винтовку. Товарищ майор! Живой! Как видишь! Открывай дорогу! И не стой как на посту кругом враги. Полная маскировка! Через несколько минут я уже въезжал на нашу заимку. Народ высыпал навстречу. Соколов смотрел на немецкий грузовики так, словно перед ним появилась летающая тарелка. Товарищ майор, откуда это? Подарок от немецкого интенданта. Принимайте, разгружайте и записывайте всё до последнего ящика. Продовольствие, боеприпасы, горючее. Сначала всё учесть, потом распределить. Соколов тут же принялся отдавать распоряжения. Люди начали разгружать машину. Когда я увидел, как из кузова вытаскивают ящики с консервами и мешки с сухарями, то впервые за последние сутки почувствовал настоящее облегчение. У нас появлялась возможность не просто выживать, а действовать. Я подозвал Петьку. Ну что, ординарец, цел? Так точно, товарищ майор. Не всё же немцам забирать. Пусть теперь и они пора-

ботают на наше хозяйство. Петька усмехнулся. Я собрал шестерых водителей и бойцов НКВД. Все они были достаточно крепкими, дисциплинированными и, что особенно важно, умели держать язык за зубами. Слушайте внимательно. Выезжаем к месту, где спрятаны остальные грузовики. Машины нужно вернуть сюда. По дороге никаких разговоров, никаких самовольных действий. Немецкая форма это не пропуск на любые неприятности. Один неверный ответ, и нас могут раскусить. Я распорядился выдать им немецкую форму, которую мы захватили у пленных. Сам ещё раз проверил свой китель и документы. Соколов подошёл ко мне. Товарищ майор, вы опять собираетесь туда? А как же. Мы оставили там несколько грузовиков. Не бросать же добро. Может, отправить другую группу? Нет, Соколов. Я сам поведу людей. Вы пока занимайтесь лагерем. И ещё: пленных разместить отдельно, усилить охрану. С каждым поговорить по отдельности. Возможно, они знают расположение складов и маршруты снабжения. Понял. Я уже направлялся к грузовику, когда Соколов окликнул меня: Товарищ майор, а если немцы узнают, что их колонна пропала? Я остановился и посмотрел на него. Узнают обязательно. Вопрос только в том, когда. Поэтому у нас нет времени сидеть сложа руки. Мы расселись по машинам. Я занял место в кабине, Петька устроился рядом. Остальные разместились в кузове. Перед тем как тронуться, я ещё раз посмотрел на заимку. За последние сутки она превратилась из случайного лесного убежища в настоящий небольшой военный лагерь. Там уже работали люди, строились укрытия, собирались запасы и пасся скот Но теперь у нас появилась новая проблема. Немцы обязательно начнут искать пропавшие машины и людей. А если среди них пойдут слухи о нападении на штаб и убийство генерала, район могут буквально перевернуть вверх дном. Ну что, Петька, готов к очередной прогулке? С вами, товарищ майор, хоть на край света. Не зарекайся, ординарец. У нас война только началась. Он включил передачу, и грузовик тронулся в сторону лесной стоянки.

Глава 8

Дорога до стоянки показалась мне бесконечной. Мы ехали молча, изредка встречая немецкие машины. Каждый раз я старался держаться уверенно, а Петька, сидевший рядом, изображал уставшего танкиста, которому уже надоели все эти передвижения. Товарищ майор, наконец прошептал он, а если нас остановят и начнут расспрашивать? Тогда отвечать буду я. И буду очень недовольным капитаном. Немцы, судя по всему, тоже не любят, когда их задерживают. Петька тихонько усмехнулся. Когда мы добрались до места, где оставили грузовики, я приказал остановиться. Машины стояли на прежнем месте, укрытые ветками. Всё спокойно. Никого не было. Хорошо. Снимайте маскировку. Проверить машины, топливо и груз. Поедем колонной. Пока люди осматривали грузовики, я прошёл вдоль дороги. Следы немецких колёс пересекали наши, а чуть дальше виднелись свежие отпечатки сапог. Я присел и провёл пальцами по земле. Петька, подойди. Что случилось? Видишь следы? Он наклонился. Похоже, кто-то проходил. Не похоже, а точно. Причём недавно. Смотри, здесь следы идут от дороги в лес, а обратно их нет. Петька насторожился. Значит, кто-то остался в лесу? Возможно. Или наблюдает за дорогой. В любом случае, надо быть осторожнее. Я приказал двум бойцам остаться на месте и следить за окрестностями, а остальным готовить машины к отправлению. Сам же вместе с Петькой прошёл немного вдоль лесной опушки. Вскоре мы услышали тихий треск ветки. Стоять! Кто идёт? негромко позвал я. Ответа не последовало. Я поднял руку, остановив Петьку. Из-за кустов медленно вышел человек в немецкой форме. Он был без каски, с грязным лицом и перевязанной рукой. Увидев нас, он поднял ладони. Nicht schießen! Не стрелять! Петька быстро перевёл: Говорит, не стрелять. Он один. Оружие где? Немец показал на землю неподалёку. Там лежал карабин. Пусть отойдёт от оружия. Петька передал приказ. Немец подчинился. Кто такой? спросил я. После короткого разговора выяснилось, что он был водителем из той самой колонны снабжения. Во время суматохи ему удалось скрыться. Он прятался в лесу, боясь возвращаться к своим, поскольку считал, что его расстреляют за потерю машин. Вот тебе и сюрприз, пробормотал я. Значит, не всех мы забрали. Я приказал Петьке обыскать его и отвести в грузовик. Сам вернулся к грузовикам. Через полчаса колонна двинулась в сторону заимки. Шесть машин, одна за другой, медленно ползли по лесной дороге. На этот раз мы уже не пытались изображать обычную немецкую колонну. Слишком велик был риск встретить тех, кто знал пропавших водителей. К полудню мы добрались до лагеря. То, что я увидел, заставило меня остановиться. Заимка заметно изменилась. Вдоль опушки появились наблюдательные посты, возле хозяйственных построек работали люди, а несколько женщин готовили еду в большом котле. Лясый с группой мужиков расчищал площадку под новые землянки. Борода что-то чертил на земле, объясняя железнодорожникам устройство будущего укрепления. Товарищ майор! навстречу выбежал Соколов. Вы вернулись! Как видите. Докладывайте. Все посты выставлены. Продовольствие принято и учтено. Боеприпасы разместили отдельно. Пленных сейчас девять человек, охрана усилена. Девять? А кто последний? Тот, которого вы привезли в лесу. Правильно. Пленным рыть укрытие для грузовиков. Хорошо работаете, товарищ лейтенант. Я похлопал его по плечу и направился к столу, где уже лежали ведомости. Сколько у нас теперь транспорта? Бронетранспортер, восемь немецких грузовиков и тот, на котором вы приехали. Плюс наши телеги. Девять грузовиков, задумчиво произнёс я. Неплохо для начала. Но радоваться было рано. Я попросил Соколова принести карту. Разложив её на столе, отметил карандашом наше расположение, дорогу к станции и направление, откуда двигались немецкие части. Я знал историю войны и у меня были свои планы. Но согласно поговорке в своем доме не срут. Реши операции проводить подальше от лагеря. Тогда будем искать дальше. В этот момент к столу подошёл Борода. Товарищ майор, тут такое дело. Нас привлекали на работы по складам и тут недалеко есть военный тайник. Я молча посмотрел на карту.

Можешь указать на карте. Нет так я не могу сказал он. Лейтенант пройдете с ним и обозначите на карте схрон. Я отложил карандаш и посмотрел на собравшихся. Товарищи, теперь слушайте внимательно. Мы получили транспорт, продовольствие и боеприпасы. Но не надо думать, что теперь мы непобедимы. У немцев много техники, авиации и людей. Они будут двигаться дальше, и рано или поздно наткнутся на нас. Я сделал паузу. Поэтому сегодня заканчиваем обустройство лагеря. Завтра начинаем подготовку людей. Нам нужны дисциплина, связь и разведка. И самое главное никаких самовольных подвигов. Петька, стоявший у двери, тихо сказал: А жаль, товарищ майор. Я уже привык, что у нас каждый день подвиг. Я посмотрел на него. Вот именно поэтому, Петька, завтра будешь чистить картошку на кухне. Все засмеялись. Даже Соколов впервые за долгое время улыбнулся. Но вечером, когда я остался один, улыбка исчезла. Я понимал: если немцы действительно потеряли связь с частью своего командования, они начнут искать виновных. А если Гудериан выживет, то этот день он запомнит надолго. Я достал из кармана немецкую карту, которую удалось забрать у одного из офицеров, и развернул её на столе. На ней были обозначены дороги, населённые пункты и направления движения танковых подразделений. Я долго смотрел на красные линии. Ну что ж, господа немцы, тихо произнёс я. Теперь посмотрим, как вы будете воевать, когда у вас за спиной появится ещё одна проблема. И впервые с момента своего пробуждения в 1941 году я почувствовал не только страх перед будущим, но и осторожную надежду. Мой тыл теперь был прикрыт. По крайней мере, насколько это вообще возможно в первые дни войны. У нас имелись продовольствие, оружие, боеприпасы, транспорт и люди, готовые выполнять приказы. Появилось самое главное время. А время в такой обстановке стоило дороже любых трофеев. Я решил не торопиться с расширением отряда. Набирать добровольцев из числа отступавших окруженцев не собирался. Чёрт его знает, кто из них действительно готов воевать, а кто просто ждёт удобного момента, чтобы сбежать. Лагерь должен оставаться небольшим, закрытым и незаметным. Чем меньше людей знают о его расположении, тем дольше он просуществует. После короткого отдыха я собрался с мыслями и вызвал Соколова. Товарищ лейтенант, пока меня не будет, лагерь остаётся под вашим командованием. Все распоряжения выполняются в прежнем порядке. Никаких новых людей без моего разрешения. Понял, товарищ майор. Пленных заставлять работать. Не издеваться, кормить по норме, охрану не ослаблять. Нам не нужна бессмысленная жестокость. Если кто-то захочет сотрудничать доложите, но в доверие сразу не принимать. Есть! Я отдельно поговорил с Лясым и Бородой. Первому поручил продолжать строительство землянок и обустройство хозяйства. Второму заниматься железнодорожниками, изучать мины и собирать сведения о движении составов. Алевтине оставил заботы о продовольствии. Затем отобрал восемь человек. Петька, разумеется, оказался среди них. Товарищ майор, а куда на этот раз? спросил он, когда мы подошли к грузовику. К фронту. Опять в гости к немцам? Не обольщайся. В этот раз мы едем смотреть, что осталось от наших частей и где можно найти командование. Петька кивнул, но улыбаться перестал. Мы загрузили в кузов воду, немного продовольствия, запасное обмундирование и необходимые документы. Я проверил карту, сверил её с дорожными указателями и сел в кабину. Остальные разместились сзади. Перед отправлением я ещё раз посмотрел на лагерь. Люди работали, возле землянок поднимался дымок, часовые внимательно наблюдали за дорогой. Всё выглядело почти мирно. Но я знал, что эта тишина обманчива. Поехали, приказал я водителю. Грузовик выкатился со двора и вскоре скрылся за деревьями. Мы двигались на запад, стараясь держаться подальше от крупных дорог. Чем ближе подходили к линии боёв, тем больше попадалось следов войны. Сначала это были брошенные телеги и разбросанные вещи. Потом появились подбитые машины, разбитые повозки, обгоревшие деревья. На одном перекрёстке мы увидели санитарную машину с красным крестом. Она стояла у обочины, рядом лежал перевёрнутый мотоцикл. Чуть дальше несколько солдат пытались вытолкать из грязи грузовик. Я приказал остановиться. Петька, пойдём посмотрим. Мы подошли к солдатам. Подняв белый флаг мы подошли. Один из них, молодой сержант с пере-

вязанной головой, поднялся нам навстречу. Я предъявил ему документы НКВД. Вы откуда, товарищи? спросил он. Из местного подразделения НКВД. У нас спецзадание. Что здесь произошло? Сержант тяжело вздохнул. Да сами не знаем, товарищ майор. Утром пришёл приказ отходить. Потом связь пропала. Командир батальона ушёл к штабу полка и не вернулся. Часть разбросало. Кто в лесу, кто на дороге, кто вообще неизвестно где. Где штаб полка? Говорили, в деревне за рекой. Но там уже немцы были. Может, наши отошли дальше. Я посмотрел на карту. Дорога действительно вела к небольшой деревне, обозначенной на ней карандашом. Сколько у вас людей? Человек двадцать осталось. Остальные разошлись по дороге. Оружие? Винтовки есть. Патронов мало. Пулемёт один, но ленты почти закончились. Я оглядел солдат. Усталые, грязные, некоторые совсем мальчишки. Они ещё не успели понять, что привычная армейская жизнь закончилась и впереди их ждёт совсем другая война. Сержант оживился. Товарищ майор, там ещё раненые есть. В сарае у дороги. Мы не смогли их вывезти. Почему? Машина сломалась, а лошадей нет. Я посмотрел на Петьку. Вот тебе и разведка. Петька усмехнулся: У нас, товарищ майор, по-другому не бывает. Внутри лежали семеро раненых. Один был без сознания, у другого была перебинтована нога, третий тихо стонал, прижимая к груди окровавленную гимнастёрку. Я присел возле него. Как фамилия, боец? Кузнецов… товарищ майор. Держись, Кузнецов. Сейчас вывезем. И в этот момент я понял, что наша разведка уже перестала быть просто разведкой. Мы искали фронт, а нашли людей, которых нельзя было бросить. Я вышел из сарая и посмотрел на дорогу. Где-то впереди гремели орудия. Но я то знал историю и ее потери. Раненных я не спасу. Это только потеря времени. Выдвигаемся! Есть, товарищ майор! Я ещё раз взглянул на запад. Война постепенно открывала передо мной своё настоящее лицо. И теперь мне предстояло решить, смогу ли я изменить хоть что-нибудь, не погубив при этом тех, кто уже доверил мне свою жизнь.

Глава 9

Мы свернули с дороги в лес и нашли подходящее место для временного лагеря. Небольшая поляна была окружена густыми деревьями, рядом протекал ручей. От дороги нас отделяла полоса кустарника, поэтому заметить стоянку случайному прохожему было непросто. Здесь остановимся, распорядился я. Машину загнать под деревья, сверху прикрыть ветками. Костров не разводить. Двое наблюдают за дорогой, остальные отдыхают по очереди. Пока бойцы обустраивались, я разложил карту на капоте грузовика. Нам предстояло выяснить, где находятся наши части, как далеко продвинулись немцы и есть ли возможность связаться с советским командованием. Но была одна проблема. Грузовик машина хорошая, спору нет, но для разведки совершенно неудобная. На просёлочной дороге его слышно издалека, а в лесу он вообще превращается в неповоротливую баржу. Нам нужен был мотоцикл, желательно с коляской. На нём можно было быстро добраться до ближайших деревень, проверить дороги и вернуться, не привлекая лишнего внимания. Петька! позвал я. Здесь, товарищ майор! Что скажешь, если мы обзаведёмся немецким мотоциклом? Скажу, что дело хорошее. Только где его взять? Для начала посмотрим, кто по этой дороге ездит. Я подозвал сержанта НКВД, которого переодел в офицера вермахта. Ты говоришь, по немецкий? Так точно. Выезжаете на дорогу и задираете капот. Возьмёшь с собой двух наших кто знает немецкий. Значит, будем ждать. Мы устроили наблюдение. Время тянулось медленно. Солнце поднималось всё выше, лес наполнялся запахом нагретой хвои. Где-то далеко слышались артиллерийские разрывы. Около полудня наблюдатель подал условный сигнал. Товарищ майор, мотоцикл! Я осторожно выглянул из-за кустов. По дороге действительно приближался немецкий мотоцикл с коляской. На нём сидели двое солдат. Один управлял, второй держал на коленях планшет и время от времени поглядывал на обочины. Петька, документы приготовь, тихо сказал я. Посмотрим, куда они направляются. Мотоцикл проехал мимо нашего укрытия. И остановился у нашего грузовика. Не будем торопиться, сказал я. Нам нужен не просто мотоцикл. Нам нужно, чтобы его отсутствие не вызвало немедленную тревогу. А если они будут стрелять? спросил Петька. Тогда будем решать по обстоятельствам. Мы продолжили наблюдение. Через некоторое время по дороге показался ещё один мотоциклист. На этот раз он ехал один. За плечами у него висела сумка, а на руле болталась карта в чехле. Он остановился возле нашего грузовика и немецкого мотоцикла у обочины, слез с мотоцикла и стал осматривать колесо. Я переглянулся с Петькой. Кажется, судьба сама решила нам помочь, прошептал он. Не торопись радоваться. Сначала выясним, кто он такой. Мотоциклист возился с машиной, явно недовольный поломкой. Через минуту он достал из сумки инструмент и принялся за работу. К нему подошли другие мотоциклисты. Я посмотрел на своих людей. Никто не стреляет и не шумит. Нам нужен мотоцикл целым. И человек, если получится, тоже. Петька кивнул. Я ещё раз взглянул на дорогу. Немцы шутили и переговаривались. Наши тоже не отставали. В голове уже складывался план. Главное не устроить перестрелку на дороге и не привлечь к нашей стоянке лишнего внимания. Ну что, Петька, тихо произнёс я. Похоже, пора пополнить наш автопарк. Только постарайся, чтобы мотоцикл достался нам без дырок в баке. Мы вышли с ним из укрытия и направились к ним. Увидев нас они с далека начали приветствовать и радоваться встрече. Немцы вели победоносную войну, не встречая сопротивление. И когда мы начали пожимать руки. То тут же захватили их и быстро погрузив их в мотоциклы увезли в лес. Два мотоцикла BMW и четверо немецких пленных неплохая добыча. Особенно если учесть, что всё это мы получили практически без потерь. Но возвращаться на базу я не спешил. Нам ещё кое-чего не хватало. Миномёты. Без них наш отряд оставался обычной группой вооружённых людей, способной вести разведку и устраивать небольшие засады. А вот с миномётами мы могли бы получить совершенно другие возможности. Конечно, рассчитывать на большие запасы не приходилось, но хотя бы несколько исправ-

ных миномётов с боеприпасами нам бы очень пригодились. Я подозвал сержанта Бондарчука. Сержант, слушайте внимательно. Грузовик оставляем возле дороги. Вы с двумя бойцами будете наблюдать за движением транспорта. Понял, товарищ майор. Если появится немецкий грузовик, останавливайте его. Представляйтесь представителями тыловой службы. Спрашивайте бензонасос, маршрут и груз. Особое внимание горючему, боеприпасам и вооружению. Если обнаружите миномёты, сразу подайте нам условный сигнал. А если немцы начнут задавать вопросы? Не вступайте в спор. Нам не нужны перестрелки на дороге. Главное выяснить, что везут, и сообщить мне. Если ситуация станет опасной, мы вас прикроем. Люди важнее любой техники. Бондарчук кивнул. А что будем делать с мотоциклами? Оставим пока в лагере. Проверим их состояние. Один будет для разведки, второй резервный. Я повернулся к Петьке. Ну что, ординарец, похоже, задержимся здесь. Я уже понял, товарищ майор. Вы пока не соберёте весь немецкий арсенал, домой не поедете. Не весь, Петька. Только то, что нам действительно нужно. Он усмехнулся. Мы устроили временное укрытие в стороне с двух сторон нашего грузовика. Мотоциклы спрятали под деревьями, пленных разместили отдельно под охраной. Немцы были напуганы и старались не разговаривать между собой. Я распорядился дать им воды и еды. Пленных следовало содержать по-человечески, но расслабляться никто не собирался. А чтобы не скучали пусть роют укрытие для грузовиков и землянку. Время шло. По дороге двигались грузовики, мотоциклы, иногда проезжали легковые автомобили с офицерами. Несколько раз мы видели санитарные машины. Немецкая колонна снабжения работала без остановки, словно огромный механизм, который пока никто не мог остановить. К вечеру Бондарчук вернулся с докладом. Товарищ майор, сегодня остановили три машины. Одна с продовольствием, другая с запасными частями, третья с горючим. Миномётов пока не встретили. Хорошо. Что-нибудь интересное узнали? Водители говорят, что впереди большие заторы. Мосты перегружены, некоторые дороги забиты техникой. А ещё один унтер упомянул, что ожидают транспорт с тяжёлым вооружением. Я поднял голову. Каким именно? Точно не знает. Но сказал, что везут имущество для пехотного подразделения. Я задумался. Возможно, именно то, что нам нужно. Бондарчук, продолжайте наблюдение. Только без лишнего усердия. Не надо останавливать каждую машину подряд. Пусть всё выглядит как обычная поломка. Есть! Когда сержант ушёл, я снова разложил карту. Наша задача постепенно менялась. Мы уже не просто искали минометы и пытались понять обстановку. У нас появлялась возможность создать небольшой, хорошо оснащённый отряд, способный действовать самостоятельно. Но я прекрасно понимал: чем больше трофеев мы будем захватывать, тем выше вероятность привлечь внимание немецкого командования. Я посмотрел на Петьку. Знаешь, что самое опасное в нашей затее? Что нас могут поймать? Нет. Что мы начнём считать себя непобедимыми. Петька задумался и кивнул. В этот момент со стороны дороги раздался условленный сигнал. Бондарчук поднял руку, затем дважды махнул белой тряпкой. Я резко поднялся. Петька, за мной. Кажется, приехало то, что мы искали. Мы направились к дороге. У нашего грузовика остановились четыре грузовика с закрытым кузовом. На бортах были нанесены военные обозначения. Я остановился, внимательно разглядывая колонну. Ну что ж, господа, тихо произнёс я. Посмотрим, какой подарок вы нам сегодня привезли.

Глава 10

Бондарчук тем временем развёл костёр и принялся готовить похлёбку. Немецкие водители, привлечённые запахом горячей еды, расселись вокруг костра и спокойно перекусывали. Никто из них даже не подозревал, что происходит вокруг. Когда они увидели нашу группу, Бондарчук, одетый в форму немецкого лейтенанта, приветливо помахал нам рукой. Немцы не проявили никакого беспокойства. Они, видимо, приняли нас за своих. Мы не стали терять времени. Быстро окружили водителей, обезоружили их и взяли под контроль грузовики. Сопротивления никто не оказал. Всё произошло настолько неожиданно, что немцы даже не успели понять, как оказались в плену. Захваченные грузовики мы перегнали на нашу новую базу. Там быстро проверили машины, собрали пленных и подготовили всё к дальнейшему движению. Задерживаться было нельзя. Чем дольше мы оставались на одном месте, тем больше возрастал риск обнаружения. Вскоре поступила команда сниматься. Наша колонна выстроилась на дороге: два мотоцикла и пять грузовиков. Я ещё раз оглядел людей, убедился, что никто не отстал, и приказал начинать движение. Впереди шли мотоциклы, за ними грузовики. Мы покидали временную базу и направлялись к нашей основной базе, увозя с собой хорошую добычу и немецких пленных. Но больше всего меня интересовало, что среди немецких грузов оказались те самые миномёты, которые нам так нужны были для организации диверсий. Мы вернулись в лагерь с хорошей добычей. Когда грузовики въехали на нашу территорию, бойцы сразу окружили машины. Все хотели знать, что нам удалось захватить. Я первым делом направился к кузовам. Откинув брезент, увидел то, ради чего мы и затеяли эту операцию. В грузовиках находились миномёты и ящики с боеприпасами. Вот это удача! не удержался кто-то из бойцов. Я улыбнулся. Теперь у нас было не просто оружие, а возможность серьёзно усилить оборону. Миномёты отдельно, боеприпасы отдельно. Всё переписать и поставить на учёт. Ничего не терять! распорядился я. Лейтенант Соколов вместе с коммунистом Лясым принялись организовывать разгрузку. Борода уже собирал людей, чтобы перенести ящики в укрытие. Немецких пленных отвели под охрану. Их предстояло допросить, выяснить, откуда пришла колонна и куда направлялись остальные машины и пристроить на земляные работы. Я стоял возле захваченных грузовиков и смотрел на наше пополнение. Ещё недавно у нас почти ничего не было, а теперь появились миномёты, боеприпасы, транспорт и мотоциклы. Но радоваться раньше времени не следовало. Немцы могли обнаружить пропажу колонны и начать поиски. Товарищи, обратился я к командирам, сегодня мы хорошо поработали. Но война только начинается. Теперь надо готовиться к тому, что противник придёт за нами. Или мы сами пойдём за ними, добавил я, глядя на командиров. Война не должна заставать нас врасплох. Мы ещё покажем немцам, что такое русский характер. С этого дня в лагере началась настоящая учебная жизнь. В первую очередь я занялся железнодорожниками. Среди них были люди, которые всю жизнь работали на железной дороге, знали каждый болт, каждую шпалу и особенности путевого хозяйства. Теперь им предстояло освоить совсем другую науку военную. Я объяснял им устройство мин, назначение взрывателей и правила безопасности при обращении с ними. Они внимательно слушали, записывали, задавали вопросы. Одновременно начали обучение бойцов обращению с миномётами. Соколов отвечал за занятия, а я периодически приходил проверить, как идут дела. Люди учились разбираться в оружии, осваивали расчёты и привыкали действовать сообща. Постепенно наш лагерь превратился в учебный центр. Правда, не всем нравилась такая жизнь. Товарищ командир, когда же мы наконец пойдём бить немца? постоянно спрашивали меня молодые бойцы. Им хотелось настоящего боя, хотелось услышать выстрелы, увидеть противника и доказать свою храбрость. Успеете ещё, отвечал я. Война долгая. А пока учитесь. Самых нетерпеливых я отправлял не на стрельбище, а с лопатами. Раз вам не сидится на месте, берите инструмент и идите строить землянки. Бойцу нужно не только

стрелять уметь, но и иметь крышу над головой. Вскоре выяснилось, что лопата действует на воинственный пыл лучше любых воспитательных бесед. После нескольких часов земляных работ самые горячие головы уже не так настойчиво просились в бой. В лагере тем временем складывалась своя жизнь. Кроме мужчин, у нас было немало женщин. Они занимались кухней, хозяйством, помогали с одеждой, ухаживали за ранеными и поддерживали порядок. И, конечно, там, где собирается много молодых людей и девушек, долго без романтики не обходится. Начались первые симпатии, робкие знакомства и ухаживания. Вечерами возле костров стали задерживаться парочки. Кто-то приносил девушке охапку полевых цветов, кто-то старался занять место рядом за ужином. Иногда слышался смех, иногда тихие разговоры до поздней ночи. Я наблюдал за всем этим с некоторой улыбкой. Люди оставались людьми даже во время войны. Им хотелось не только сражаться и выживать, но и любить, мечтать, строить планы на будущее. Порой мне казалось, что война проходит где-то далеко, а у нас образовалась маленькая отдельная жизнь. Утром занятия, днём работа, вечером песни и разговоры у костра. Но я прекрасно понимал: это затишье не может продолжаться вечно. И однажды война обязательно напомнит о себе.

Глава 11

Мне наконец приготовили отдельную командирскую землянку. Небольшую, но добротную: стены укреплены брёвнами, потолок застелен жердями, и пол устелен тесанными досками. В углу стояла печурка, у стены разместили деревянный стол, пару табуреток и широкий лежак, застеленный свежей соломой и одеялом. Я перенёс туда свои вещи и решил, что на первое время вполне сойдёт. В первый же вечер, когда я разбирал документы, в землянку заглянула Алевтина. Да что же это вы, товарищ командир, в таком не уюте жить собираетесь? с притворным возмущением произнесла она. А что не так? Крыша есть, печка есть, спать есть где. Чего ещё человеку надо? Мужчинам, как я посмотрю, вообще ничего не надо, кроме миски каши и места, где сапоги поставить! Она рассмеялась и принялась за дело. Принесла перину, поправила одеяло, разложила мои вещи, нашла какую-то занавеску и повесила её возле входа. Потом поставила на стол небольшую баночку с полевыми цветами. Алевтина была в лёгком платье, которое заметно отличалось от привычной лагерной одежды. Она двигалась по землянке легко и непринуждённо, напевая что-то себе под нос. Постепенно в моём жилище появился уют, а вместе с ним и тонкий женский аромат. Я сидел на лежаке и наблюдал за ней. Она то и дело бросала в мою сторону кокетливые взгляды, словно проверяла, замечаю ли я её старания. Ну вот, теперь совсем другое дело, сказала она, отступив на шаг и оглядев результат. Теперь здесь можно жить. А хозяйка у этого жилища предусмотрена? спросил я с улыбкой. Алевтина посмотрела на меня и рассмеялась. Вот ещё! Командир сразу решил воспользоваться положением? Да какое положение? Я тут самый бесправный человек. Даже землянку без посторонней помощи обустроить не могу. Она подошла ближе.

Я вдруг понял, к чему всё идёт. И, признаться, совсем не собирался этому сопротивляться. «А что мне терять? подумал я. Я попаданец, человек без прежних обязательств и привычных привязанностей. Здесь у меня другая жизнь, и никто не знает, что будет завтра». Я осторожно обнял Алевтину за талию. Ну что, товарищ командир? тихо спросила она, улыбаясь. Спасибо за уют, Алевтина. Пожалуйста. Только вы, командир, не думайте, что я всем такие землянки обустраиваю. Она сама приблизилась ко мне, и наши губы встретились. В тот вечер мы забыли о лагерных заботах, приказах и военных приготовлениях. Между нами возникла близость, которой, кажется, оба давно не хватало. Мы целовались, смеялись, шептались, и постепенно робость первых минут уступила место взаимной нежности и страсти. Ночь прошла незаметно. А утром я проснулся от запаха растопленной печки и услышал, как Алевтина тихонько возится возле стола. Я улыбнулся. Похоже, моя командирская землянка теперь действительно обрела хозяйку. Утром я проснулся от необычного ощущения: в землянке было тепло, пахло горячим чаем и чем-то жареным. Алевтина уже не спала. Она стояла у маленького столика и раскладывала завтрак. Просыпайтесь, товарищ командир. А то ваши бойцы уже давно на ногах, а вы всё отдыхаете. А кто виноват? улыбнулся я. Некоторые вчера поздно домой собирались. Она обернулась, хитро прищурилась. А некоторые, между прочим, совсем не торопились отпускать гостей. Я рассмеялся и сел на лежак. Алевтина, а ты всегда такая бойкая? Не всегда. Только когда есть ради кого стараться. Она поставила передо мной кружку чая и кусок хлеба. Я тут подумала, продолжила она, командиру нужна нормальная постель, чистое бельё, да и одежду надо кому-то стирать. А то вы совсем себя не бережёте. Так ты решила взять надо мной шефство? Пока присматриваюсь, ответила она и улыбнулась. После завтрака она собралась уходить, но у самого выхода остановилась. Вы сегодня вечером будете свободны? Если немцы не нападут, буду. Тогда я зайду. Она исчезла за пологом, оставив после себя запах духов и хорошее настроение. Я ещё некоторое время сидел, допивая чай. Впервые за долгое время мне было спокойно. Война, конечно, никуда не исчезла, но в моей жизни появилось что-то человеческое. Когда я вышел из землянки, у костра уже собрались бойцы. Бондарчук что-

то рассказывал, размахивая руками, а Лясый смеялся. О, товарищ командир! приветствовал меня Бондарчук. А мы уж думали, вы сегодня на занятия не придёте. Почему это? Да у вас теперь, говорят, хозяйство появилось. Алевтина вчера весь вечер вашу землянку украшала. Все засмеялись. Вы бы лучше своими делами занимались, ответил я. А то я сейчас найду вам работу, от которой не до шуток будет. Есть, товарищ командир! хором ответили бойцы. Но я заметил, что улыбки у них не исчезли. День прошёл в обычных заботах. Соколов занимался миномётчиками, железнодорожники проходили занятия, остальные укрепляли лагерь. Я проверял хозяйство, запасы продовольствия и состояние захваченной техники. Ближе к вечеру ко мне подошёл Соколов. Товарищ командир, разрешите доложить. У нас есть одна проблема. Какая? Люди начинают привыкать к спокойной жизни. Молодёжь, конечно, рвётся в бой, но дисциплина пока хромает. Да и слухи ходят, будто немцы продвигаются в нашу сторону. Я перестал улыбаться. Вот это уже серьёзно. Завтра соберите командиров. Нужно обсудить разведку и охрану лагеря. Соколов ушёл, а я ещё долго стоял у входа в землянку. Война снова напомнила о себе. И тут из-за спины раздался знакомый голос: Опять задумались, товарищ командир? Алевтина стояла с небольшой корзинкой в руках. Принесла вам ужин. И не смотрите так, я не собираюсь мешать вашим военным делам. Я посмотрел на неё и впервые подумал, что теперь мне есть кого терять. И это чувство оказалось гораздо тревожнее, чем приближение немецких войск.

Глава 12

Вечером, когда мы с Алевтиной остались вдвоём, я долго смотрел на неё, размышляя, как начать разговор. Она сидела на лежаке, перебирала свои волосы и что-то напевала. Алевтина, а ты как вообще представляешь нашу дальнейшую жизнь? Она перестала напевать и посмотрела на меня. А что, товарищ командир, уже строите планы? Не товарищ командир, а просто мужчина, который предлагает тебе жить вместе. Переезжай ко мне. Будем вести общее хозяйство. Мне одному в этой землянке скучно, а тебе, кажется, здесь уже всё знакомо. Она сначала удивлённо посмотрела на меня, потом улыбнулась. А вы уверены, что не пожалеете? Я ведь характерная. Это мы ещё проверим. Ну что ж, уговорили. Только предупреждаю: теперь у вас будет не только командирская землянка, но и командирша. Мы оба рассмеялись. На следующий день Алевтина перевезла свои нехитрые пожитки. У неё оказалось удивительно много вещей: платье, несколько платков, расчёска, зеркальце, фотографии и небольшая коробочка с женскими мелочами. Она сразу занялась обустройством нашего жилища и заявила, что теперь здесь будет настоящий дом. Я же возвращался к военным делам. Лейтенанта Соколова вызвал к себе отдельно. Соколов, готовьте группу для диверсионной операции. Подберите людей, которые хорошо знают местность, умеют держать язык за зубами и не теряются в сложной обстановке. Пока никаких подробностей никому не сообщать. Сначала разведка, потом будем принимать решение. Есть, товарищ командир. В лагере тем временем жизнь постепенно входила в своё русло. Наше хозяйство росло буквально на глазах. Появились лошади, коровы, овцы и свиньи. Для скота построили сараи и стойла, оборудовали загоны, назначили людей, отвечавших за кормление и уход. Особенно я радовался тому, что удалось наладить производство продуктов. Заработала небольшая сыроварня. Несколько женщин, имевших опыт работы с молоком, взялись за изготовление сыра. Сначала получалось не всё, но постепенно дело наладилось. Появились первые головки домашнего сыра, которые отправляли в прохладное помещение на хранение. Следом я распорядился установить большую печь для копчения мяса. Бондарчук, осмотрев сооружение, присвистнул: Ну всё, товарищ командир, скоро у нас тут будет не партизанский лагерь, а настоящий колхоз! А ты чем недоволен? Будешь первым дегустатором. Я не против, товарищ командир. Только дегустировать надо регулярно, для контроля качества. Вечерами возле хозяйственных построек постоянно кто-нибудь работал. Одни заготавливали дрова, другие ухаживали за животными, третьи занимались ремонтом телег и повозок. По ночам небольшие группы отправлялись за пределы лагеря. В округе оставалось немало бесхозного скота: после отступления и военных беспорядков животные разбредались по полям и деревням. Наши люди находили их, собирали и приводили в лагерь. Каждая такая вылазка приносила пополнение хозяйству. Постепенно у нас появились запасы молока, мяса, сала и сыра. Мы уже могли не так сильно зависеть от случайных трофеев и подвоза продовольствия. Однажды вечером я обходил хозяйство вместе с Бондарчуком. Знаете, товарищ командир, сказал он, глядя на коров в новом стойле, я раньше думал, что партизанская война это винтовка, автомат и взрывы. А у нас тут целое хозяйство. А ты думал, бойцы одним патронами питаются? Он засмеялся. Вернувшись в землянку, я застал Алевтину за штопкой моей рубашки. Ну что, хозяин, как твоя армия? спросила она. Растёт. Скоро будем не только воевать, но и сыром торговать. Главное, чтобы командир домой возвращался целым. Я обнял её за плечи. И подумал, что наш лагерь постепенно превращается в нечто гораздо большее, чем просто временное убежище. Здесь появлялись работа, производство, семьи, отношения и собственный уклад жизни. Но я понимал: рано или поздно всему этому придётся пройти испытание настоящей войной. Когда группа была окончательно сформирована, я решил, что первую боевую операцию проведу лично. Заодно взял с собой лейтенанта Соколова. Пора было и ему почувствовать настоящую войну, а не только командовать учебными занятиями. Товарищ лейтенант, готовы? Готов,

товарищ командир. Тогда посмотрим, как вы будете действовать не на учениях. Мы переоделись в немецкую форму. Я понимал, что это рискованно, но в немецком обмундировании у нас было больше шансов пройти незамеченными на дорогах, где постоянно двигались военные колонны противника.

Наша небольшая группа разместилась в двух машинах: впереди шёл мотоцикл с коляской, за ним грузовик. В кузове сидели бойцы, также одетые в немецкую форму. Оружие и снаряжение были при нас. Перед отправлением я собрал всех возле грузовика. Товарищи, сегодня наша первая серьёзная операция. Помните, мы не на учениях. От действий каждого зависит жизнь всей группы. Самодеятельности не допускать. Приказ командира выполнять беспрекословно. Бойцы молча слушали. Соколов выглядел сосредоточенным. Видимо, до него только сейчас дошло, что впереди не очередные занятия с картами и учебным оружием. Ну что, лейтенант, сказал я, забираясь в кабину, поехали нюхать порох. Он усмехнулся: Надеюсь, товарищ командир, не последний раз. Мотор грузовика заработал, мотоциклист дал сигнал, и наша колонна тронулась. За лагерем начинался лес, затем дорога выходила к железнодорожной линии. Именно там нам предстояло выполнить первое задание. Я смотрел на мелькавшие за окном деревья и думал о том, как быстро изменилась моя жизнь. Ещё недавно я занимался организацией хозяйства, распределял продукты, проверял сыроварню и обсуждал с Алевтиной домашние дела. А теперь снова ехал навстречу неизвестности. Соколов сидел рядом, внимательно изучая карту. Товарищ командир, наконец произнёс он, а если столкнёмся с немецким подразделением? Значит, будем действовать по обстановке. Главное не терять головы. Впереди показался железнодорожный переезд. Мотоциклист сбросил скорость и подал условный сигнал. Я посмотрел на часы. Первая боевая операция начиналась.

Глава 13

Операцию мы решили провести в районе железнодорожного узла Черемха, подальше от нашей основной базы. Не хотелось, чтобы в случае неудачи немцы смогли выйти на след нашего лагеря. Добравшись до лесного массива, мы выбрали укромное место и устроили временную базу. Грузовик и мотоцикл спрятали в подготовленном укрытии, замаскировали ветками. Для бойцов оборудовали несколько укрытий, чтобы можно было переждать непогоду и не привлекать внимания случайных путников. Первое время занимались исключительно разведкой. Наблюдали за железнодорожным узлом, изучали движение поездов, отмечали немецкие посты и проверяли дороги, ведущие к станции. Я сам несколько раз выходил на наблюдение вместе с Соколовым. Немцы наступали уверенно. Их войска двигались на восток, и, судя по всему, командование противника ещё не считало необходимым выставлять охрану на каждом перекрёстке. На дорогах попадались военные машины, обозы и отдельные группы солдат. Но особой бдительности они пока не проявляли. Чувствуют себя хозяевами положения, заметил Соколов, наблюдая за очередной немецкой колонной. Самоуверенность часто обходится дорого, лейтенант. Главное не поддаваться ей самим. После завершения разведки мы приступили к выполнению задания. Железнодорожная линия имела три пути. Наша группа выполнила минирование всех трёх участков, после чего мы тщательно проверили, что никто из людей и ничего из имущества не осталось на месте проведения работ. Я понимал, что теперь любое промедление может обернуться бедой. Собираемся. Уходим, распорядился я. Бойцы заняли свои места. Грузовик и мотоцикл вывели из укрытия, и вскоре наша временная база опустела. Мы оставляли за собой только следы, которые вскоре должны были затеряться в лесной подстилке. По дороге я посмотрел на Соколова. Ну что, лейтенант, теперь можете сказать, что понюхали пороха? Он улыбнулся, но в глазах у него ещё сохранялось напряжение. Пока, товарищ командир, мы только начали. Я тоже так думал. Впереди нас ждала дорога домой, а затем предстояло выяснить, какие последствия будет иметь наша первая операция. Война постепенно приходила и к нашему лесному краю. И теперь мы уже не просто готовились к ней мы начали действовать. За время нашего отсутствия разведка принесла важные сведения. Недалеко от района наших действий обнаружили лагерь военнопленных. Там содержались красноармейцы, захваченные немцами в первые недели войны. Кроме того, в лагере находились гражданские, в том числе евреи. Я решил, что упускать такую возможность нельзя. Мы подготовили ночную операцию. К лагерю подошли скрытно, а после начала нападения охрана оказалась не готова к организованному сопротивлению. Завязалась короткая, но ожесточённая схватка. Когда всё закончилось, ворота лагеря открылись. Перед нами стояли измученные, истощённые люди. Многие едва держались на ногах. Кто-то плакал, кто-то не верил, что всё действительно закончилось. Товарищи, вы свободны! громко объявил я. Теперь вы снова среди своих! Мы освободили около пятисот человек. Чтобы не раскрывать принадлежность нашей группы, мы сменили одежду и переоделись в форму красноармейцев. Освобождённым раздали захваченное оружие, оказали первую помощь и организовали питание. Среди бывших пленных нашлось немало людей, готовых немедленно продолжить борьбу. Особенно важным стало то, что мы обнаружили среди них опытных военных: танкистов, артиллеристов, связистов и командиров. После этого события приняли совершенно другой масштаб. Я решил воспользоваться возникшей возможностью и организовать захват Белостока. У нас уже имелись люди, оружие и боеприпасы. После подготовки мы двинулись к городу. Операция оказалась успешной. Белосток перешёл под наш контроль. Были освобождены новые группы советских военнопленных и еврейские жители, которым немецкая оккупация несла смертельную угрозу. В городе мы захватили военный арсенал и железнодорожные составы. Это была уже не просто партизанская добыча, а серьёзный военный ресурс. Я собрал командиров и объявил о даль-

нейших действиях. Товарищи, сидеть в одном городе и ждать, пока немцы соберут силы, мы не будем. Нам нужно расширять сопротивление. Будем формировать самостоятельные подразделения. Из освобождённых бойцов и наших людей я начал создавать отряды численностью примерно по сто человек. Каждому назначили командиров, организовали снабжение и определили дальнейшее направление движения. Часть подразделений отправилась по железной дороге в разные стороны, получив оружие, миномёты и артиллерийское вооружение. Их задача была захват железнодорожных узлов и уничтожение железной дороги. Они не знали что эта дорога в один конец. Они шли защищать родину и остановить или временно сломать снабжение противника. Особое внимание я уделил специалистам. Без подготовленных артиллеристов и танкистов вся наша техника могла оказаться бесполезной. Из бывших военнопленных я отобрал несколько танкистов и артиллеристов. Затем пригласил двух капитанов, которые произвели на меня хорошее впечатление. Товарищи капитаны, у меня к вам особое предложение. Мы отправляемся на запад, в сторону фронта. Нам нужно найти действующие части Красной армии и установить связь с командованием. Один из капитанов посмотрел на меня внимательно. А кто вы такой, товарищ командир? И откуда у вас такие силы? Я усмехнулся. Это долгая история. По дороге расскажу. Мы подготовили большую группу и двинулись на запад. Впервые за всё время я почувствовал, что наша деятельность вышла далеко за пределы одного партизанского лагеря. У нас появились собственные подразделения, командиры, специалисты и серьёзные запасы вооружения. Но теперь возникал главный вопрос: как нас встретит регулярная Красная армия? Ведь для советского командования мы пока оставались неизвестным вооружённым формированием, действовавшим в немецком тылу. И мне предстояло не только найти фронт, но и доказать, что мы свои.

Глава 14

На самом деле все эти рассказы о скором соединении с Красной армией были нужны мне прежде всего для поддержания боевого духа. Я кормил ими своих бойцов, потому что понимал: людям нужна надежда. Они должны были верить, что всё происходящее имеет смысл и что впереди нас ждёт встреча со своими. Но у меня была совсем другая задача. Я не собирался искать фронт и присоединяться к отступающим частям. Моей целью было уничтожение врага, его военных эшелонов, коммуникаций и железнодорожных путей. Чем больше сил немцы вынуждены будут отвлекать на охрану тыла, тем меньше их останется на передовой. Следующей целью я выбрал станцию Берёза-Картузская. По дороге наши отряды обнаружили ещё несколько мест содержания военнопленных. Мы освободили до тысячи красноармейцев. Среди них оказались артиллеристы, танкисты, механики и другие военные специалисты. Освобождённых вооружили захваченным оружием и включили в формируемые подразделения. После захвата станции в наши руки попали железнодорожные составы, военные грузы и техника. Это уже позволяло действовать в гораздо большем масштабе. Я решил разделить силы. Захваченные танки отправил отдельной группой для действий против железнодорожной инфраструктуры и мостов через реку Шара. Другому подразделению поручил движение в направлении Барановичей. Там предстояло захватить станцию, установить контроль над городом и нарушить железнодорожное сообщение. Я понимал, что люди, отправленные на эти задания, могут не вернуться. Многие из них фактически уходили в один конец. Это была жестокая сторона войны, и я старался не показывать бойцам, насколько тяжело мне давались такие решения. Сам же с небольшой группой направился к Пинску. Там нас ждала ещё одна серьёзная операция. После захвата города я организовал отправку подразделений на прорыв к позициям Красной армии. Люди получили оружие, боеприпасы и продовольствие. Я надеялся, что хотя бы часть из них сумеет добраться до своих. Когда основные задачи были выполнены, мы покинули Пинск и повернули обратно к нашему лагерю. Возвращение далось нелегко. За время операции я потерял троих бойцов из своей первоначальной команды. Троих человек, с которыми начинал всё это предприятие, которые первыми поверили мне и прошли через самые тяжёлые испытания. Я не стал устраивать громких речей. Просто запомнил их имена. Зато к нам присоединились настоящие специалисты: артиллеристы, танкисты, механики и командиры. Особенно выделялись два капитана, которых я взял с собой ещё после освобождения военнопленных. За время совместных операций они стали относиться ко мне с необыкновенным доверием. Видели, как я принимаю решения, как веду людей и как действую в критические минуты. Иногда мне казалось, что они верят мне больше, чем собственным глазам. Они называли меня командиром и безоговорочно выполняли мои распоряжения. Но я понимал одну вещь: доверие людей это не только власть, но и огромная ответственность. Когда мы наконец добрались до лагеря, первым делом я хотел увидеть Алевтину. Она стояла возле хозяйственных построек и разговаривала с женщинами. Увидев меня, замерла, а потом быстро направилась навстречу. Господи, вернулся! произнесла она и обняла меня. Я прижал её к себе. За время моего отсутствия лагерь продолжал жить своей жизнью. Работала сыроварня, коптилось мясо, в стойлах стоял скот, строились новые землянки. Но теперь я возвращался уже не просто командиром небольшого партизанского отряда. За моей спиной остались освобождённые тысячи людей, захваченные станции и эшелоны, сформированные подразделения и тяжёлые потери. А впереди, как я понимал, нас ждала совсем другая война. Со мной прибыли капитан Семёнов Егор Дмитриевич, капитан Шелепов Владимир Владимирович и старший лейтенант Гаврилов Олег Витальевич. Я сразу распределил обязанности: капитана Семёнова назначил командиром лагеря, капитану Шелепову поручил разведку, а старшему лейтенанту Гаврилову командование артиллеристами и сапёрами. Постепенно мой лагерь приобретал вид настоящего

воинского подразделения. Появилась чёткая структура управления, распределились обязанности, наладилась внутренняя служба. Теперь это была уже не просто группа людей, волею обстоятельств оказавшихся в одном месте, а организованная военная сила, способная выполнять серьёзные задачи. Я понимал, что впереди нас ждёт много работы. Но, несмотря на это, чувствовал некоторое удовлетворение. Наконец-то вокруг меня были люди, которым можно было доверить самостоятельный участок работы и не проверять каждый их шаг. Писать письма Сталину я не собирался. Читал я уже немало историй о попаданцах, которые первым делом пытались попасть на приём к вождю, отправляли ему доклады о будущем ходе войны и предлагали свои услуги. Мне такой путь казался бессмысленным. Во-первых, кто поверит человеку, появившемуся неизвестно откуда? Во-вторых, даже если письмо каким-то чудом дойдёт до адресата, его вполне могут принять за провокацию или откровенную фантастику. Я считал, что гораздо полезнее действовать на месте, готовить людей и наносить противнику максимально возможный ущерб. Однако один разговор заставил меня пересмотреть своё решение. Однажды вечером ко мне зашёл Гаврилов. Он принёс несколько бумаг, которые мы обсуждали по поводу организации артиллерийской службы. Мы долго разбирали наши возможности, наличие боеприпасов и перспективы дальнейшего усиления подразделения. В какой-то момент Гаврилов отложил бумаги и задумчиво посмотрел на меня. Товарищ командир, разрешите высказать своё мнение? Конечно, Олег Витальевич. Для этого мы здесь и собрались. Вы понимаете, в каком положении сейчас находится наша артиллерия? Примерно представляю. Но хотелось бы услышать ваше мнение как специалиста. Гаврилов тяжело вздохнул. Положение гораздо хуже, чем вам кажется. В Красной армии есть хорошие орудия, есть опытные артиллеристы, есть конструкторы, способные создавать прекрасные образцы вооружения. Но всего этого недостаточно. Нам катастрофически не хватает современных средств связи, тягачей, приборов управления огнём, подготовленных командиров батарей. Во многих частях артиллерия фактически лишена возможности быстро менять позиции. Орудия есть, а средств для их перемещения не хватает. С боеприпасами тоже далеко не всё благополучно. Он немного помолчал и продолжил: А ведь артиллерия это не просто несколько пушек за пехотными цепями. Это основа огневой мощи армии. Без неё мы будем терять людей там, где могли бы подавить противника огнём. Я внимательно слушал его. В его голосе не было желания пожаловаться или покритиковать командование. Это говорил человек, который прекрасно знал своё дело и понимал, сколько жизней может стоить отсутствие необходимых средств. И что вы предлагаете? спросил я. Я предлагаю подумать о том, чтобы передать наши знания наверх. У вас есть сведения о том, что будет происходить дальше. Вы знаете, какие решения окажутся правильными, а какие ошибки приведут к огромным потерям. Почему бы не попытаться предупредить руководство страны? Я посмотрел на него и впервые задумался над тем, что раньше считал пустой затеей. Возможно, он был прав. Ведь дело было не в том, поверит ли мне Сталин лично. Дело было в том, что даже несколько своевременно переданных сведений могли изменить судьбы тысяч людей. Знаете, Олег Витальевич, наконец сказал я, я всегда считал подобные письма бесполезными. Но, пожалуй, вы меня убедили. Надо попробовать. В ту ночь я долго не ложился спать. Передо мной лежал чистый лист бумаги. Я понимал, что писать нужно не фантастические рассказы о будущем, а конкретные предложения, которые можно проверить и использовать уже сейчас. И впервые за всё время я решил обратиться непосредственно к руководству страны.

Глава 15

Я придвинул к себе чистый лист бумаги и взял карандаш. Но с чего начинать? Написать товарищу Сталину, что я человек из будущего, знаю ход войны и могу рассказать, чем она закончится? Нет, это было бы самой большой глупостью. Меня либо сочтут сумасшедшим, либо письмо попадёт в руки людей, которые заинтересуются не моими сведениями, а тем, откуда я их получил. Я решил действовать иначе. Представиться человеком, располагающим сведениями о состоянии немецкой армии и возможных направлениях её наступления. Не раскрывать всего, а изложить конкретные предложения по укреплению Красной армии. Первым делом я выписал вопросы, которые считал наиболее важными. Артиллерия. Противотанковая оборона. Средства связи. Автомобильный транспорт. Подготовка командиров. Производство боеприпасов. И, конечно, организация взаимодействия между родами войск.

На следующий день я вызвал Гаврилова. Олег Витальевич, вчера вы заставили меня задуматься. Я решил написать докладную записку. Но мне нужна ваша помощь. Вы должны составить перечень основных проблем нашей артиллерии. Не общими словами, а конкретно: чего не хватает, что необходимо изменить, какие вопросы требуют немедленного решения. Сделаю, товарищ командир. Только позвольте спросить: кому вы собираетесь писать? Товарищу Сталину. Гаврилов удивлённо поднял брови. Напрямую? Именно. Правда, я пока не знаю, как передать письмо, но это уже другая проблема. Тогда я постараюсь подготовить всё как можно обстоятельнее. После его ухода я снова принялся за работу. Отдельно составил записку о противотанковой обороне. Особое внимание уделил необходимости насыщения войск противотанковыми пушками, подготовке расчётов и созданию мобильных резервов. Написал о том, что нельзя допускать скопления техники и войск без надлежащей маскировки, что необходимо рассредоточивать авиацию и заранее готовить запасные аэродромы. Но больше всего меня беспокоил вопрос о первых месяцах войны. Я знал, что произойдёт двадцать второго июня. Знал о катастрофе приграничных округов, о потерянной технике, окружённых армиях, тысячах пленных. И самое страшное заключалось в том, что многие из этих потерь можно было предотвратить. Я не собирался утверждать, будто войну можно выиграть одним письмом. Но если хотя бы часть моих предупреждений будет услышана, это уже будет иметь значение. Через два дня Гаврилов принёс свою записку. Она оказалась довольно подробной. Мы вместе сели за стол и начали разбирать каждый пункт. Вот здесь, сказал Гаврилов, указывая карандашом на лист, необходимо обратить внимание на подготовку младших артиллерийских командиров. Нельзя рассчитывать, что одна лишь хорошая материальная часть обеспечит успех. Орудие без грамотного расчёта просто кусок металла. Согласен. Добавим. И ещё один момент. Необходимо организовать централизованный запас наиболее востребованных боеприпасов. Чтобы в случае отступления части не оставались без снарядов. Я записал его замечание. Работали мы почти до полуночи. В итоге получился документ на несколько десятков страниц. Я решил разделить его на две части: первая содержала предложения по немедленному укреплению армии, вторая сведения о будущих событиях, которые могли помочь оценить серьёзность предупреждения. Последнюю часть я пока оставил незаконченной. Мне предстояло решить, насколько далеко можно зайти в своих откровениях. Я понимал, что если напишу о будущих поражениях, назову даты и места, то ко мне возникнет множество вопросов. А если мои сведения подтвердятся, то интерес ко мне станет ещё большим. Вечером я собрал Семёнова, Шелепова и Гаврилова. Товарищи, у меня есть к вам важный разговор. Мы можем изменить не только судьбу нашего подразделения, но, возможно, и ход предстоящей войны. Я не могу обещать, что нам поверят. Но молчать тоже не имею права. Шелепов, который до этого молча рассматривал документы, поднял голову. Вы хотите связаться с Москвой? Да. И не просто с Москвой. Я намерен добиться, чтобы наши сведения попали к самому Сталину. Семёнов задумчиво потёр

подбородок. Задача непростая. Такие письма через обычную почту могут идти неизвестно сколько. А могут вообще не дойти. Поэтому, Владимир Владимирович, я повернулся к Шелепову, хочу поручить вам выяснить, каким путём можно передать секретную корреспонденцию в Москву. Надёжно и без лишних разговоров. Понял, товарищ командир. А вы, Олег Витальевич, продолжайте работу над артиллерийской частью. Мне нужны не только недостатки, но и конкретные предложения по их устранению. Будет сделано. Когда совещание закончилось, я остался один. За окном темнело. В лагере постепенно затихали голоса, лишь часовые продолжали обходить периметр. Я посмотрел на лежавшие передо мной бумаги. До начала Великой Отечественной войны оставалось всё меньше времени. И теперь я уже не хотел просто наблюдать за тем, как история повторяет свой страшный путь. Я собирался вмешаться. Пусть даже для этого придётся поставить на карту собственную жизнь. Но начав писать я не мог остановиться и писал про командиров и ученных в тюрьмах и о ошибках командования. Писал о новых видах вооружения и все что помнил. Пока шла подготовка сапёров и артиллеристов, капитан Шелепов занимался разведкой окружающей местности. Он тщательно изучал дороги, расположение немецких частей, склады и военные объекты. Однажды вечером он пришёл ко мне с интересными новостями. Товарищ командир, у меня есть кое-что интересное. Недалеко отсюда обнаружен немецкий аэродром. Что за аэродром? Какие самолёты там базируются? Пока точно установить не удалось. Но разведчики наблюдали несколько бомбардировщиков и истребителей. Охрана имеется, но, судя по всему, не слишком многочисленная. Я задумался. Аэродром был именно тем объектом, который мог дать нам новые возможности. Хорошо, Владимир Владимирович. Продолжайте наблюдение. Мне нужны сведения о количестве самолётов, охране и состоянии взлётной полосы. Есть! После этого мы начали готовить операцию по захвату аэродрома. Нам повезло: среди людей, оказавшихся в нашем подразделении, нашлись два лётчика. Оба имели опыт полётов на боевых машинах. Я вызвал их к себе, познакомился и объяснил, что собираюсь предпринять. Они сначала не поверили, что мы действительно собираемся использовать немецкие самолёты, но, выслушав меня, согласились. В лагере началась напряжённая подготовка. Семёнов отвечал за общую организацию, Шелепов продолжал уточнять обстановку, а Гаврилов занимался подготовкой сапёров и артиллеристов. Я же следил, чтобы каждый знал свою задачу. Наконец наступил день операции. Мы погрузились в захваченный немецкий грузовик «Ганомаг». На нас была немецкая форма, а документы и внешний вид машины не должны были вызывать подозрений. Я ещё раз проверил, все ли готовы. Когда машина приблизилась к аэродрому, я почувствовал знакомое напряжение. Одно дело планировать операцию на карте, и совсем другое оказаться перед воротами вражеского военного объекта. Захват прошёл успешно. Немецкая охрана была обезоружена, сопротивление подавлено, а аэродром оказался в наших руках. Первым делом мы занялись самолётами. Среди находившихся там машин были бомбардировщики. Наши лётчики осмотрели, проверили техническое состояние, а наземная команда занялась подготовкой к вылету. Я понимал, что нельзя терять ни минуты. Сам факт захвата аэродрома рано или поздно станет известен немцам. Первого лётчика я направил на боевое задание. Его целью стали расположенные поблизости немецкие аэродромы. Мы рассчитывали нанести противнику внезапный удар и нарушить работу авиации на этом участке. Со вторым самолётом решили поступить иначе. Второй лётчик должен был доставить мои письма в Москву. Мы тщательно подготовили бомбардировщик, закрасили немецкие опознавательные знаки и нанесли советские. Я передал пилоту запечатанный пакет. Слушай внимательно, сказал я ему перед вылетом. Эти письма должны попасть к товарищу Сталину. Не в штаб округа, не в случайную канцелярию, а непосредственно в Москву. Понимаешь, насколько это важно? Понимаю, товарищ командир. Если возникнут трудности, главное сохранить документы. От них может зависеть очень многое. Лётчик спрятал пакет и протянул мне руку. Постараюсь не подвести. Я крепко пожал ему руку. Через несколько минут двигатель бомбардировщика заработал, самолёт вырулил на взлётную полосу и начал разбег.

Машина тяжело оторвалась от земли и постепенно набрала высоту. Я долго смотрел ей вслед. Перед Москвой лётчик должен был пройти через линию фронта. Чтобы не вызвать подозрений у наших частей, он должен был опознать себя как советский самолёт и сообщить, что доставляет срочную корреспонденцию высшему руководству страны. Я понимал, что впереди у него опасный путь. Но другого способа быстро доставить мои письма практически не было. Вскоре самолёт скрылся за облаками. Я повернулся к Семёнову. Егор Дмитриевич, теперь нам нужно закрепиться на аэродроме. Организуйте охрану, проверку техники и учёт всего имущества. Особое внимание уделите запасам горючего и боеприпасов. Есть, товарищ командир. Я посмотрел на карту. Теперь у нас появился не только собственный лагерь, но и аэродром с авиационной техникой. А где-то далеко на востоке летел самолёт с письмами, которые, возможно, впервые заставят руководство страны задуматься о том, что происходит и что ещё только предстоит произойти.

Глава 16

Оставив для охраны аэродрома двадцать человек, вооружённых миномётами и четырьмя зенитными пушками, мы приступили к выполнению дальнейших задач. Я понимал, что долго удерживать этот объект мы не сможем. Рано или поздно немцы обнаружат пропажу самолётов, а затем выяснят, что аэродром захвачен противником. Но терять такую возможность было нельзя. Наш лётчик работали практически без отдыха. Наземная команда обслуживала самолёты, заправляла их, проверяла техническое состояние и готовила к новым вылетам. Мы старались использовать каждый час, пока противник не понял, что происходит. Всего нам удалось выполнить двенадцать боевых вылетов. За это время наши самолёты нанесли удары по трём немецким аэродромам и двум складам боеприпасов. Мы понимали, что нанесли противнику серьёзный ущерб, хотя точных результатов каждого удара установить не могли. Но удача не могла продолжаться бесконечно. Немцы обнаружили захваченный аэродром. Сначала появились самолёты-разведчики, а затем началась бомбардировка. Противник обрушил на аэродром настоящий шквал огня. Наши зенитчики открыли ответный огонь, миномётчики заняли подготовленные позиции, но силы были слишком неравными. Я находился в штабе, когда Семёнов доложил: Товарищ командир, аэродром атакован. Связь с охранением работает с перебоями. Немцы пытаются окружить наших людей. Передайте приказ отходить. Самолёты, которые ещё можно использовать, эвакуировать не пытайтесь. Главное вывести людей. А если часть бойцов окажется отрезана? Пробиваться к лесу. Там соберёмся. Мы понимали, что отступление будет тяжёлым. Немцы уже подтягивали пехоту и бронетехнику. Наши бойцы оставили аэродром и начали отходить к лесу, прикрывая друг друга огнём.. Ганомаг вывез оставшихся бойцов. Отходили с боями. Несколько раз приходилось останавливаться и принимать оборонительные позиции, чтобы не дать противнику отрезать нам дорогу. Когда наконец добрались до леса и провели перекличку, я впервые за долгое время почувствовал, как внутри всё похолодело. Не хватало пятнадцати человек. Пятнадцать бойцов, которые ещё совсем недавно сидели у костра, разговаривали, шутили, делились последними новостями. Пятнадцать человек, у каждого из которых была своя жизнь, свои близкие, свои надежды. Я молча смотрел на список погибших. Товарищ командир, тихо произнёс Семёнов, потери уточняются. Возможно, кто-то ещё доберётся. Я ничего не ответил. Это была наша первая крупная потеря. До этого я воспринимал наши операции как последовательность задач: разведать, подготовить, захватить, уничтожить, отойти. Казалось, если всё правильно рассчитать, то можно избежать серьёзных потерь. Но война быстро объяснила мне, насколько наивными были такие представления. Я вышел из штаба и увидел бойцов, расположившихся между деревьями. Кто-то перевязывал раненого, кто-то чистил оружие, кто-то просто сидел, уставившись в землю. Гаврилов подошёл ко мне. Тяжело, товарищ командир? Пятнадцать человек, Олег Витальевич. Пятнадцать. А ведь я обещал им, что мы будем действовать осторожно. Вы не можете отвечать за каждую пулю и каждую бомбу противника. Но я отвечаю за то, куда их посылаю. Гаврилов помолчал. Они знали, за что сражаются. Я посмотрел на него. Знать, за что сражаешься, и погибнуть разные вещи. В тот вечер я приказал похоронить погибших с воинскими почестями. Имена каждого занесли в отдельный список. Я решил, что никто из наших людей не должен исчезнуть безымянным. А ещё я дал себе обещание: отныне ни одна операция не будет начинаться только потому, что нам хочется добиться очередного успеха. Каждый раз я буду спрашивать себя, стоит ли поставленная задача человеческих жизней. Война становилась всё ближе. И теперь я уже знал её цену не по книгам и рассказам, а по пятнадцати пустым местам в нашем строю. Понимая, что после захвата аэродрома немцы будут искать нас по всему району, я решил не задерживаться на прежнем месте. Теперь наше местонахождение было известно противнику, и оставаться в лесу большой группой становилось опасно. Я собрал командиров на совещание. Товарищи, немцы

не оставят нашу операцию без внимания. Они потеряли три аэродрома, два склада боеприпасов и несколько самолётов. Теперь они будут прочёсывать леса, проверять деревни и дороги. Нам нельзя ждать, пока они сами найдут наш лагерь. Я разложил карту на столе. Олег Витальевич, Владимир Владимирович, у меня к вам особое поручение. Вы возьмёте часть бойцов и отправитесь через леса в сторону Украины. Ваша главная задача разведка. Нужно выяснять расположение немецких гарнизонов, складов, штабов и военных коммуникаций. Особое внимание уделяйте железным дорогам и мостам. Нам необходимо знать, как противник организует снабжение и переброску войск. Шелепов внимательно изучал карту. Сколько времени отводите на выполнение задания? Не хочу ограничивать вас сроками. Главное сохранить людей и регулярно передавать сведения. Действовать будете небольшими группами, не привлекая лишнего внимания. Гаврилов кивнул. Понял, товарищ командир. А если обнаружим крупные железнодорожные узлы? Сначала разведка и доклад. Не нужно бросаться в бой при первой возможности. Мне нужны не случайные успехи, а систематическая работа. Я посмотрел на обоих. И ещё. Помните, что теперь вы действуете самостоятельно. Вы сами будете принимать решения, оценивать обстановку и отвечать за своих людей. Я доверяю вам обоим. На следующий день отряд Гаврилова и Шелепова покинул наш лагерь. Они ушли в сторону украинских земель, стараясь не пользоваться большими дорогами и избегая населённых пунктов, где могли находиться немецкие гарнизоны. Я долго смотрел им вслед. Вместе с ними уходили два опытных офицера, на которых я возлагал большие надежды. После их ухода мы с Семёновым занялись реорганизацией оставшегося подразделения. Нужно было восстановить боеспособность, распределить обязанности погибших, проверить боеприпасы и определить новое место для лагеря. Пятнадцать погибших тяжело сказались на всех. Но я понимал: останавливаться нельзя. Теперь наша война приобретала другой характер. Мы больше не собирались сидеть на одном месте и ждать противника. Нам предстояло стать подвижным подразделением, способным действовать на большой территории. А я всё чаще думал о письмах, которые улетели в Москву. Получит ли их Сталин? Поверит ли хоть одному слову? И самое главное успеют ли там понять, насколько мало времени осталось до больших событий? Я надеялся, что ответ придёт раньше, чем немцы снова выйдут на наши следы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.